

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

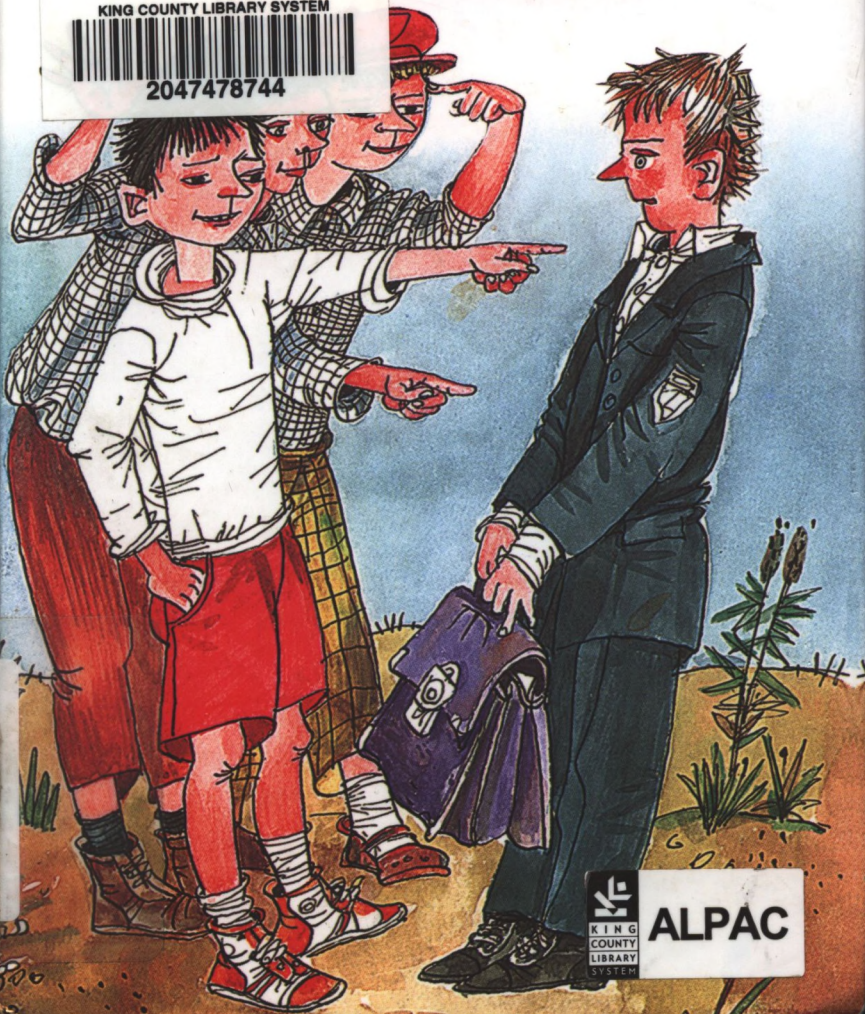
А ты постарайся!

Виктор Голявкин

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2047478744

ALPAC

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

А ты постарайся!

Рассказы и повесть

Астрель
АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г63

Художники
А. Андреев и Н. Беланов

Г63 Голявкин, В. В.
А ты постарайся! : рассказы и повесть / Виктор Голявкин. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 190, [2] с.: ил. — (Любимое чтение)

ISBN 978-5-17-030983-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-11682-7 (ООО «Издательство Астрель»)

В эту книгу замечательного писателя Виктора Владимировича Голявкина (1929—2001) входят короткие веселые рассказы: «Тетрадки под дождем», «Болтуны», «Никакой горчицы я не ел», «Карусель в голове», «Хочу лошадь» и другие, а также увлекательная повесть «Ты приходи к нам, приходи».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009163.08.07 от 03.08.2007 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 31.03.2008.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Школьная. Бумага газетная.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 10,08. Тираж 4000 экз. Заказ 1220.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-030983-2
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-11682-7
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 978-985-16-3314-8
(ООО «Харвест»)

© Голявкин В. В., наследники. Текст, 2007
© Андреев А. С. Иллюстрации, 2007
© Беланов Н. В. Иллюстрации, 2007
© ООО «Издательство Астрель», 2007

ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЕМ

На перемене Марик мне говорит:

— Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

— А вдруг тетя Даша задержит с портфелями?

— Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно; возле самой стены сухо, а чуть подальше — огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошел. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил. Марик записку мне пишет:

«Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю:

«Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет:

«Что делать будем?»

Я ему отвечаю:

«Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

— Не могу, — говорю, — я к доске идти.

«Как же, — думаю, — без ремня идти?»

— Иди, иди, я тебе помогу, — говорит учитель.

— Не надо мне помогать.

— Ты не заболел ли случайно?

— Заболел, — говорю.

— А с домашним заданием как?

— Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

— А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

— Что с тобой происходит?

Я молчу.

— Придется тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождем.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

— Какой-то ты сегодня странный...

ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО

Я бросил решать задачку и побежал в сад к ребятам. Бегу — навстречу идет наш учитель.

— Как дела? — говорит. — Догоняешь ветер?

— Да нет, я так, в садик.

Иду рядом с ним и думаю: «Вот сейчас спросит меня про задачу — какой ответ получился, — а что я скажу? Ведь я еще не успел решить».

А он:

— Хорошая погода...

— Ну да, — отвечаю, — конечно... — А сам боюсь: про задачу вдруг спросит.

А он:

— Нос-то у тебя красный! — и смеется.

— У меня всегда нос красный, такой уж у меня нос.

— Что ж ты, — говорит, — так и собираешься с таким носом жить?

Испугался я:

— А что мне с ним делать?

— Продать его и купить новый.

— Это вы шутите.

Он опять смеется.

Я жду, когда же он про задачу спросит.

Так и не спросил про задачу.

Забыл, наверное.

На другой день вызывает меня:

— А ну, покажи задачу.

Не забыл, оказывается.

ЯАНДРЕЕВ

Все из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вов-

ки Якулова все пятерки. С его фамилией это не-
трудно — он по списку в самом конце. Жди,
пока его вызовут. А с моей фамилией пропа-
дешь. Стал я думать, что мне предпринять. За

обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

— Теперь я не Андреев. Я теперь Яндреев.

— Мы давно знаем, что ты Андреев.

— Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается — Яндреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яндреевым стал!

— Еще увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить. Чтобы я на «Я» начинался.

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Я ПУГОВИЦУ САМ СЕБЕ ПРИШИЛ

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я ее криво пришил, но ведь я ее сам пришил! А

меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, — ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я все сам делаю — пуговицу себе сам пришил...

КАК Я ПОД ПАРТОЙ СИДЕЛ

Только к доске отвернулся учитель, а я раз — и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать всех, куда я делся, — вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я все сижу. «Когда же, — думаю, — он увидит, что меня в классе нет?» А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я — никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да еще Сережка мне в спину ногой все время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока.

Вылезаю и говорю:

— Извините, Петр Петрович...

Учитель спрашивает:

— В чем дело? Ты к доске хочешь?

— Нет, извините меня, я под партой сидел.

— Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ КОМОДА

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на «отлично». Ее ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось — она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришел в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на нее.

— Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила все по порядку.

— У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»
А учитель сказал:

— Раз такое дело, это совсем другое дело. —
И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

— У вас такое несчастье. Вы придавили сына комодом. Мы все вам сочувствуем.

— Что вы, что вы! — сказала мама. — У меня нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

БОЛТУНЫ

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошел учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

— Это я, — сказал он. — Похоже?

— Нисколько, — ответил Юра, — у тебя не такие уши.

— А какие же у меня уши?

— Как у осла.

— А у тебя нос, как у бегемота.

— А у тебя голова, как еловая шишка.

— А у тебя голова, как ведро.

— А у тебя во рту зуба нет...

— А ты рыжий.

— А ты селедка.

— А ты вуалехвост.

— А что это такое?

— Вуалехвост — и все.

— А ты первердер...

— Это еще что значит?

— Значит, что ты первердер.

— А ты дырбыртыр.

— А ты выртырвыр.

— А ты rrrrrrrr...

— А ты zzzzzzz...

— А ты...ы! — сказал Юра и увидел рядом учителя.

— Хотел бы я знать, — спросил учитель, — кто же все-таки вы такие?

КАК МЫ НА САМОЛЕТЕ ЛЕТАЛИ

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-летчики пригласили. Весь класс наш в один самолет уместился. Прямо дом, а не самолет! Хочешь — седи, хочешь — стой — что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолет, он почему-то вдруг перестал петь.

— Летим уже? — спрашивает. — Или нет?

Кто-то как закричит:

— Летим! Летим!

— Я боюсь, — говорит Валерка. — Зачем я только в кино не пошел! — и зубами стучит.

Я ему говорю:

— С непривычки это бывает.

— А ты раньше летал? — спрашивает Валерка.

— Я на катере ездил. А это почти одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам летчик. Улыбается, спрашивает:

— Ну как?

Валерка как заорет:

— Ой, идите за руль! Самолет упадет! — И заплакал.

Летчик смеется:

— Не беспокойся. Там ведь еще летчик есть.

Валерка перестал плакать.

— Эх ты, плакса! — говорит летчик. — Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

— Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А летчик не отстаёт:

— Они даже смотреть на тебя не хотят, эх ты, трусишка!

Миша Колосов говорит:

— Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Ленька Скориков говорит:

— Это он, наверно, от страха пел.

Тут самолет на снижение пошел.

Вышли мы из самолета.

— Эх, — говорит Валерка, — хорошо бы еще покататься.

— Вот и прекрасно, — улыбается летчик, — сейчас будем на вертолете кататься.

Я обернулся — нет Валерки.

— Где Валерка? — спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошел.

ЛУКЪЯН

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно засмотрелась. Катя подсказку ждет, а Маша видит собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

— Лукьян...

Катя подумала, ей подсказали, и повторяет:

— Лукьян...

— При чем тут Лукьян?! — удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

И МЫ ПОМОГАЛИ

Когда снег с крыши сбрасывали, мы всем двором помогали дворнику. На крышу нас, конечно, не пустили.

Тогда мы собрались во дворе, встали цепочкой, взявшись за руки, и никого не пускали в ту зону, куда снег падал.

Когда люди в эту зону шли, не подозревая об опасности, мы хором кричали:

— Сюда нельзя! В обход!

И все люди шли в обход.

На Ваську небольшой кусок снега сел. Кружился, кружился в воздухе и прямо Ваське на голову опустился. Васька только тряхнул головой, и этот снег на его голове растаял. Он потом все повторял, что своей головой защитил других. Нескромно, я считаю, такие вещи заявлять. Тоже мне! Как будто это был какой-нибудь громадный кусок льда.

Нас всю дворник гнал, а мы не уходили. Так до конца помогали.

А дворник говорит, что мы мешали.

Как же так?

Не может этого быть!

ЯЗЫК

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так сидел. Очень нужно работать!

Но сидеть надоело.

Он кошку увидел.

Поймал ее.

Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, скорчил несколько рож, спел три песни, язык показал.

Она его цап лапой по языку!

Он сразу петь перестал.

Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...

Лучше поздно, чем никогда!

ПРИВЫЧКА

Не успели приехать в пионерлагерь, а уж тихий час! Не хочется человеку спать — так нет, спи, хочешь не хочешь! Как будто мало спать ночью — еще днем спи. Тут бы пойти искупаться в море — так нет, лежи, да еще глаза закрой. Книжку и то почитать нельзя. Стал я напевать чуть слышно. Напевал, напевал и заснул. За ужином думаю: «Ага, вот оно что: чтоб заснуть, нужно что-нибудь спеть. Иначе никак не уснешь».

На другой день я, как только лег, так сейчас же тихонечко и запел. Я даже сам не заметил, как стал так громко петь, что прибежал наш вожатый Витя.

— Это что еще за певец такой?

Я ему отвечаю:

— Я иначе уснуть не могу, вот поэтому и напеваю.

Он говорит:

— А если все запоют, тогда что будет?

— Ничего, — говорю, — не будет.

— Тогда сплошное пение будет, а не сон.

— А может быть, тогда все уснут?

— Ты не выдумывай чепуху, а закрой глаза и спи.

— Не могу я без песни спать, у меня без этого глаза не закроются.

— Закроются, — говорит, — вот увидишь.

— Нет, не закроются, я себя знаю.

— У всех ребят закрываются, а почему у тебя не закроются?

— Потому что я так привык.

— А ты попробуй не вслух, а про себя. Тогда еще скорее уснешь и товарищей не разбудишь.

Стал я петь про себя, пел разные песни и незаметно уснул.

На другой день мы на море пошли. Купались, в разные игры играли. Потом на винограднике работали. И я перед сном забыл песню спеть. Как-то сразу уснул. Совершенно внезапно. Со всем неожиданно.

Вот это да!

КАК Я ПИСАЛ СТИХИ

Иду я как-то по пионерлагерю и в такт напеваю что попало. Замечаю — получается в рифму. Вот, думаю, новость! Талант у меня открылся. Побежал я к редактору стенгазеты.

Женька-редактор пришел в восторг.

— Замечательно, что ты стал поэтом! Пиши и не зазнавайся.

Я написал стихотворение о солнце:

Льется солнца луч
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

— Сегодня с утра идет дождь, — сказал Женька, — а ты пишешь о солнце. Поднимется смех и все такое. Напиши о дожде. Мол, не беда, что дождь, мы все равно бодры и все такое.

Стал я писать о дожде. Правда, долго не получалось, но, наконец, получилось.

Льется дождь
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

— Не везет тебе, — говорит Женька, — дождь-то кончился — вот беда! И солнце пока не показалось.

Сел я писать о средней погоде. Тоже сразу не выходило, а потом вышло:

Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

Женька-редактор мне говорит:

— Смотри, вон солнце опять показалось.

Тогда я сразу понял, в чем дело, и на другой день принес такое стихотворение:

Льется солнца луч
На голову мне,
Льется дождь
На голову мне,
Ничто не льется
На голову мне.
Эх, хорошо
Моей голове!

КАК Я ПОМОГАЛ МАМЕ МЫТЬ ПОЛ

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, — говорит, — у тебя...»

— Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобней мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и все дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придется еще ведро на пол вылить.

Вылил еще ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, все плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придется теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, все будет в порядке.

Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Все оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне все же помог.

НОВАЯ РУБАШКА

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперед, поглядывая на окна.

Шел с работы мой старший брат.

— О, — сказал он, — какая прелесть! Только смотри не простудись. — Он взял меня за руку, привел домой и надел мне рубашку поверх пальто.

— Теперь гуляй, — сказал он. — Какая прелесть!

ВСЕ КУДА-НИБУДЬ ИДУТ

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

— Я иду в первый класс.

Вова сказал:

— Я во второй класс иду.

Маша сказала:

— Я в третий класс иду.

— А я? — спросил маленький Боба. — Выходит, я никуда не иду? — И заплакал.

Нотут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

— Я к маме иду! — сказал Боба.

И он пошел к маме.

НЕОХОТА ВСЕ ВРЕМЯ ПЕШКОМ ХОДИТЬ

Неохота все время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошел. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сажу на корточках. За борт машины держусь руками. Трясет вовсю! Боюсь, шофер меня заметит — ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня — в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул — и бежать.

Хотелось все же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

— Вот здорово! Это я понимаю!

А одна девочка маленькая спросила:

— Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня.

Не помню уж, сколько я шел пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

БЫЛ НЕ КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

— Вот возьми домой книжку, прочти ее и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

— А если я не запомню?

— Пиши, как запомнишь.

— А третий раз ни за что нельзя?

— В крайнем случае — можно.

Пришел я домой. Прочел два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» пи-

сать — через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я все запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

— Этот случай не крайний, — сказал папа. — Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать. Анна Петровна прочла рассказ.

— Что же ты слово «окно» через «а» написал? Я говорю:

— Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

МОЯ РАБОТА

Старший брат мастерил приемник, а младший ходил вокруг и мешал.

— И я работать хочу, — просил он.

— Вот пристал, — сказал старший брат. — На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашел кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук — вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

— А ну-ка, — сказал старший брат, — дай сюда. — И прибил фанеру к приемнику.

— Вот и все, — сказал старший брат, — готов приемник.

Младший вышел во двор и привел ребят.

— Это я сделал. Моя работа!

— Весь приемник сделал?

— Не весь, конечно, но главную часть. Без нее приемник бы не работал.

НИКАКОЙ ГОРЧИЦЫ Я НЕ ЕЛ

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошел. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю — машина стоит, шофер что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

— Поломалась?

Молчит шофер.

— Поломалась? — спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

— Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

— Угадал, — говорит, — поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

— Да я... не умею...

— Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам. Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошел.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

— Как с патентом¹?

Другой говорит:

— Хорошо с патентом.

«Что это, — думаю, — патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент еще скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

— Гляди-ка, парень как рот раскрыл.

И ко мне обращается:

— Что тебе?

— Мне ничего, — отвечаю, — я просто так...

— Тебе нечего делать?

— Ага.

— Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

— Вижу.

— Подойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

— Как это?

— А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

¹Патент — документ, дающий изобретателю исключительное право на изобретение.

— Не смешно, — говорю, — а вы смеетесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

— Не смешно совсем. Что вы смеетесь?

Потом один говорит:

— Мы совсем не смеемся. Где ты видишь, что мы смеемся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит.

— Не тронь метлу!

— Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

— А не нужно, так и не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти еще рано. Уроки еще не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть? Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

— Куда лезешь? Эй!

Смотрю — нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься — опять:

— А ну слезы!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

— Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешел на ту сторону улицы. На верх, на леса смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали все увидел — рабочие на лесах штукатуруют, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Все равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Еще круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

— Плати, мальчик, снова.

— У меня больше денег нету. Только три копейки было.

— Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

— Ой, мне далеко пешком идти!

— А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошел?

— Откуда вы знаете?

— Я все знаю. По тебе видно.

— А чего видно?

— Видно, что в школу ты не пошел. Вот что видно. Из школы ребята веселые едут. А ты как будто горчицей объелся.

— Никакой я горчицы не ел...

— Все равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно.

А потом говорит:

— Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я все равно сошел. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшами землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да еще землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

— В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

— Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я веселый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе. Он посмотрел на меня удивленно.

— Ты что?

— А что?

— Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я еще больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

— Что с тобой?

— А чего?

— Что ты мне рожи строишь?

— На экскаваторе покатайте меня.

— Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

— Я тоже, — говорю, — хочу на нем работать.

Он говорит:

— Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Я твердо решил в Антарктиду поехать. Чтоб закалить свой характер. Все говорят, бесхарактерный я: мама, учительница, даже Вовка. В Антарктиде всегда зима. И совсем нет лета. Туда только самые смелые едут. Так Вовкин папа сказал. Вовкин папа там был два раза. Он с Вовкой по радио говорил. Спрашивал, как живет Вовка, как учится. Я тоже по радио выступлю. Чтобы мама не волновалась.

Утром я вынул все книжки из сумки, положил туда бутерброды, лимон, будильник, стакан и футбольный мяч. Наверняка морских львов там встречу — они любят мяч на носу вертеть. Мяч не влезал в сумку. Пришлось выпустить воздух.

Наша кошка прогуливалась по столу. Я ее тоже сунул в сумку. Еле-еле все поместилось.

Вот я уже на перроне. Свистит паровоз. Как много народу едет! Можно сесть на какой угодно поезд. В конце концов можно всегда пересесть.

Я влез в вагон, сел, где посвободней.

Напротив меня спала старушка. Потом со мной сел военный. Он сказал: «Привет соседям!» — и разбудил старушку.

Старушка проснулась, спросила:

— Мы едем? — и снова уснула.

Поезд тронулся. Я подошел к окну. Вот наш дом, наши белые занавески, наше белье висит на дворе... Уж не видно нашего дома. Мне стало сначала немножко страшно. Но это только сначала. А когда поезд пошел совсем быстро, мне как-то даже весело стало! Ведь еду я закалять характер!

Мне надоело смотреть в окно. Я снова сел.

— Тебя как зовут? — спросил военный.

— Саша, — сказал я чуть слышно.

— А что же бабушка спит?

— А кто ее знает!

— Куда путь держишь?

— Далеко...

— В гости?

— Угу...

— Надолго?

Он со мной разговаривал, как со взрослым, и за это очень понравился мне.

— На пару недель, — сказал я серьезно.

— Ну что же, — сказал военный, — очень даже неплохо.

Я спросил:

— Вы в Антарктиду?

— Пока нет; ты в Антарктиду хочешь?

— Откуда вы знаете?

— Все хотят в Антарктиду.

— И я хочу.

— Ну вот видишь!

— Видите ли... я решил закаляться...

— Понимаю, — сказал военный, — спорт, коньки...

— Да нет...

— Теперь понимаю — кругом пятерки!

— Да нет, — сказал я, — Антарктида...

— Антарктида? — переспросил военный.

Военного кто-то позвал сыграть в шашки. И он ушел в другое купе. Проснулась старушка.

— Не болтай ногами, — сказала старушка.

Я пошел посмотреть, как играют в шашки.

Вдруг... я не поверил даже — навстречу шла Мурка. А я и забыл про нее! Как она смогла вылезти из сумки?

Она побежала назад — я за ней. Она забралась под чью-то полку — я тоже сейчас же полез под полку.

— Мурка! — кричал я. — Мурка!

— Что за шум? — закричал проводник. — Почему здесь кошка?

— Это кошка моя.

— С кем этот мальчик?

— Я с кошкой...

— С какой кошкой?

— С моей.

— Он с бабушкой едет, — сказал военный, — она здесь рядом в купе.

Проводник повел меня прямо к старушке.

— Этот мальчик с вами?

— Он с командиром, — сказала старушка.

— Антарктида... — вспомнил военный. — Все ясно... Понимаете ли, в чем тут дело: этот мальчик решил махнуть в Антарктиду. И вот он взял с собой кошку... И еще что ты взял с собой, мальчик?

— Лимон, — сказал я, — и еще бутерброды...

— И поехал воспитывать свой характер?

— Какой плохой мальчик! — сказала старушка.

— Безобразие! — подтвердил проводник.

Потом почему-то все стали смеяться. Даже бабушка стала смеяться. У нее из глаз даже слезы пошли. Я не знал, что все надо мной смеются, и потихоньку тоже смеялся.

— Бери кошку, — сказал проводник. — Ты приехал. Вот она, твоя Антарктида!

Поезд остановился.

Неужели, думаю, Антарктида? Так скоро?

Мы сошли с поезда на перрон. Меня посадили на встречный поезд и повезли домой.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТУФЛИ

Я свою подметку каждый день по утрам пришивал, а к вечеру она у меня отваливалась. Как сапожник пришивает подошвы, что они долго не отлетают? Этот вопрос меня тогда очень интересовал. И ходить-то я старался осторожно, чтобы подошва эта раньше времени не отлетала, а когда в футбол играли, стоял только и смотрел, до чего обидно! Но она все-таки отлетала, не дождавшись вечера, и хлопала как

выстрел при ходьбе. Если издали видел знакомых, останавливался и стоял, чтобы, чего доброго, не заметили моей ужасной подошвы.

Пришло лето, я эти свои ботинки выкинул и шлепал босиком. Раз лето. Раз война. Нужда. Отец на фронте. Да мы, мальчишки, могли и без ботинок обойтись. В такое-то время! Только в школу босиком не полагалось. Да я и в школу приходил. Когда меня учитель спросил, неужели у меня нет каких-нибудь старых ботинок, чтобы в приличном виде явиться в школу, я ему ответил: «Нет, Александр Никифорович». Он пожал плечами и сказал: «Ну, раз нет, значит, нет». Так просто тогда было с этим делом!

И вдруг Васька в своих серебряных туфлях появился во дворе. Вот это была картина! Самые настоящие долгоносики, остренькие, длинные носы, а блестят-то как! А как они скрипели! Васька Котов вышел в этих своих серебряных потрясающих туфлях, а я открыл рот и долго не мог закрыть его.

— Такие туфли носят только на балах и только в Аргентине, — сказал Васька. — Вовнутрь-то, вовнутрь посмотри!

Он снял туфлю, и я ошалело смотрел внутрь туфли на аргентинское клеймо. А Васька стоял на одной ноге, держась за мое плечо, важный и довольный.

Еще бы! Там, в далекой Аргентине, пляшут на балу аргентинцы в серебряных туфлях, а теперь в них будет ходить по нашим бакинским улицам Васька Котов.

Собрались ребята, охали и ахали, и трогали руками серебро.

— Купили на толкучке, — рассказывал Васька. — Совершенно случайно. Абсолютно по дешевке достались, просто-напросто повезло...

Кто-то попросил померить, и Васька сразу ушел. Померить он никому не хотел давать.

В этот вечер мы с ним пошли в оперетту. Я босиком, а он в своих долгоносиках.

Некоторые оперетты мы раз двадцать видели, а тут новую оперетту показывали. Честно говоря, мы только потому и ходили на эти спектакли, что через забор лазали. А так с гораздо большим удовольствием в кино пошли бы.

Рядом с его серебряными туфлями нелепыми и безобразными казались мои собственные пыльные ноги, а пальцы, казалось, смешно топорщатся во все стороны.

Да и другие мальчишки в оперетту босиком ходили, никто на них особого внимания не обращал. Ничего такого в этом не было, тем более оперетта в летнем саду помещалась.

Васька меня на забор посадил, снял туфли и мне протянул. Ему в них на забор никак было не забраться. А мне с этими туфлями сидеть на заборе тоже неудобно. Одной рукой туфли держать, а другую ему протягивать.

Кричу:

— Давай скорее руку, а то свалюсь!

Он замешкался, стал почему-то носки снимать, хотя и в носках можно было лезть спокой-

но. Как раз ребята подошли, торопят, никому неохота в оперетту опаздывать.

В общем, он мне руку подать не успел, я не удержался и на ту сторону свалился вместе с туфлями. Хорошо еще, удачно упал, ничего такого не приключилось. Только в рот земля попала.

Я эту землю выплюнул, встал, отряхнулся и жду, когда Васька появится. Ребят-то там много, помогут ему на забор подняться.

А он все не появляется.

Мимо прогуливаются люди по широкой аллее в ожидании звонка и, как мне кажется, на меня поглядывают.

Тогда я надеваю Васькины туфли на свои ноги и отхожу в более темное место.

Но Васька все не появляется.

Я еще немного постоял и пошел к выходу. А прямо мне навстречу милиционер ведет Ваську за руку. На одной ноге у него носок, а другим носком он вытирает слезы.

Васька, как только увидел меня в своих туфлях, заорал не своим голосом на всю оперетту:

— Свои грязные ноги засунул в мои туфли!!!
Ааааа!!!

Даже милиционер растерялся.

— Ты мне смотри вырваться! — говорит. — Ишь ты! В одном носке в оперетту собрался, да еще вырывается!

— Это правда! — кричу я. — На мне его туфли!

— Не суйся не в свое дело! Тоже мне защитник нашелся!

Милиционер меня и слушать не хотел. Вокруг говорят:

— Смотрите-ка, смотрите, у парнишки носок на одной ноге...

— А по-вашему, если бы он в двух носках явился сюда, было бы лучше?

— Ему бы на сцену в таком опереточном виде! Я стал снимать туфли, чтобы Ваське отдать, но меня оттеснили.

Ведут Ваську в пикет. Впереди большущая толпа. Ну и дела!

Пока Ваську вели, он все время оборачивался и повторял:

— Снимай мои туфли! Снимай мои туфли!

Он только о туфлях и думал, смелый все-таки человек, совсем не думал о том, что попался.

Я все старался в пикет пройти, но меня не пустили.

И чего он за свои туфли расстроился? Не мог же я их все это время в руках держать! Подумаешь! Как будто бы их помыть нельзя!

Я подхожу к фонтану и тщательно мою его туфли. Все старался поглубже засунуть руку в носок, чтобы как можно лучше вымыть. И вдруг замечаю, как эти прекрасные туфли расползаются, а блестящая серебряная краска слезает, как чешуя с рыбы...

В это время из пикета выходит Васька и направляется ко мне.

Подходит.

Я стою, опустив голову, держу в каждой руке по туфле.

Его лицо бледнеет при свете фонарей.

— Ты стер мое аргентинское клеймо?! — спрашивает он сдавленным голосом.

Васька Котов выхватывает у меня свои туфли.

— А почему они мокрые?! — вдруг кричит он и бежит к фонарю.

Там, у фонаря, он сразу замечает всю эту ужасную непоправимую перемену со своими туфлями...

— Это не мои туфли!!! — кричит он.

— Все смылось... смылось... смылось... — твержу я.

— Как это смылось?! — орет он визгливо.

Распахнулись двери зала. Народ хлынул из дверей и увлек нас к выходу.

Я потерял в толпе Ваську, но при выходе он снова оказался рядом со мной и прошипел мне в самое ухо:

— Отдавай мне новые туфли... слышишь? Отдавай!

Я понимал его.

— Какие были! — прошипел он.

В это же самое время мне наступили на ногу, я скорчился от боли и крикнул ему со злостью:

— Пошел ты от меня со своими долгоносиками!

— Ах так! — крикнул он и, рывком вырвавшись из толпы, помчался вверх по улице по направлению к дому, а я пошел за ним.

Всю ночь мне снились танцующие аргентинцы в серебряных ботинках, а когда под утро мне

стали сниться танцующие крокодилы в серебряных ботинках, я в ужасе проснулся.

Пришел Васька. В каких он был рваных сандалиях! Трудно даже себе представить. Каким-то чудом эти сандалии держались на его ногах.

— Мне нечего надеть, — сказал он тихо.

Я смотрел на его сандалии, вздыхая и сочувствуя ему.

— А те никак нельзя зашить? — спросил я тихо.

— Никак, — сказал он.

— Неужели никак нельзя зашить?

— Они не настоящие, — сказал он, опустив голову.

— А какие же они?

— Они картонные, — сказал Васька.

— Как?!

— Они театральные, — сказал Васька. — Все равно бы они развалились...

— Как то есть театральные?

— Ну, специально для театра, на один раз... у них там делают такие туфли на один раз...

— Зачем же тебе их купили?

— Случайно купили...

— Значит, они театральные?!

— Театральные... — сказал Васька.

— Тогда черт с ними! — сказал я.

— Черт с ними... — сказал Васька.

— Это замечательно, что они театральные! — сказал я. Хотя ничего замечательного, конечно, в этом не было. Но все равно это было замечательно!

— Снимай сандалии, — сказал я, — зачем тебе сандалии! Снимай их, и пойдём в оперетту!

ПЯТНАДЦАТЬ ТРЕТЬИХ

Все столпились возле бильярда.

— Довольно играть просто так, — сказал он. — Я играю на третьё. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну не важно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

— Чай! Чай!

Даже повар сказал:

— Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвёртый...

— Стойте... — сказал он. — Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжко вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку. Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

— Живот не хватать, — сказал он, — нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, таращил глаза, икал.

Позвали вожатого.

— Что с ним такое? — спросил вожатый.

— Да вот чаю попил, — сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

ПАРОХОД И ЛОШАДЬ

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, все как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом — флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывет по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

— Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

ТАК ВСЕГДА БЫВАЕТ

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой. Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки.

Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:
— Смотрите-ка, он сам с собой играет!
Разве я сам с собой играю? Я со стеной играю.
Пес Катушка ко мне привязался, вокруг бе-
гает, машет хвостом. А Гога кричит:
— Ой, глядите, с Катушкой играет!
— Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной
играет.
И продолжаю играть.
Играю себе, играю.
Вдруг пес Катушка — цап мячик! — и все...
Превратился мячик в лепешку.
А Гога орет:
— Так всегда бывает!
— Врет, наверное...

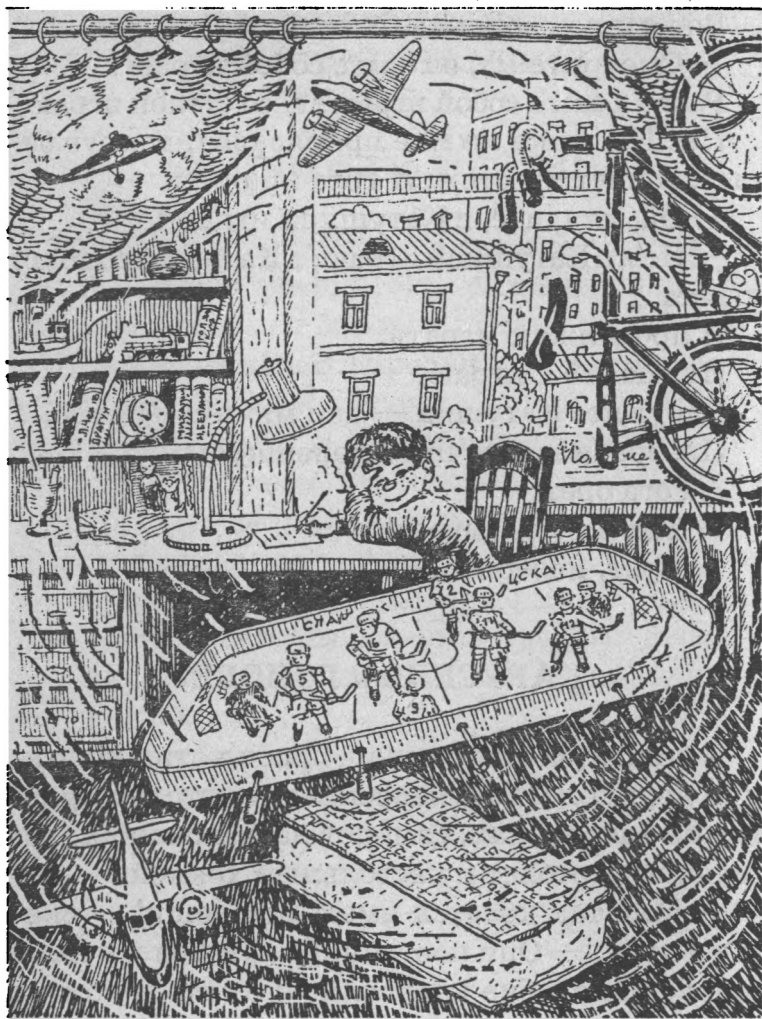
КАРУСЕЛЬ В ГОЛОВЕ

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколесный велосипед, пистолет-пуле-мет на батарейках, самолет на батарейках, ле-тающий вертолет и настольный хоккей.

— Мне так хочется иметь эти вещи! — ска-зал я отцу. — Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

— Держись, — сказал отец, — не упади и на-пиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не за-быть.

— Да зачем же писать, они и так у меня креп-ко в голове сидят.

— Пиши, — сказал отец, — тебе ведь это ничего не стоит.

— В общем-то ничего не стоит, — сказал я, — только лишняя морока. — И я написал большими буквами на весь лист:

**ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ
САМАЛЁТ
ВИРТАЛЁТ
ХАКЕЙ**

Потом подумал и еще решил написать мороженое, подошел к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ.

Отец прочел и говорит:

— Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождем.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

— До которого часу?

— До лучших времен.

— До каких?

— До следующего окончания учебного года.

— Почему?

— Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали...

ДВА ПОДАРКА

В день рождения папа подарил Алеше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова:

«Алеше в день рождения от папы».

На другой день Алеша со своей новой ручкой пошел в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами! А тут учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алеша первый протянул ей свое сокровище. И при этом подумал: «Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у меня ручка, прочтет надпись и скажет что-нибудь вроде: «Ах, каким красивым почерком написано!» или: «Какая прелесть!» Тогда Алеша скажет: «А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее золотое!»

Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алеши, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал двойку золотым пером и вернула ручку.

Алеша, растерянно глядя на свое золотое перо, сказал:

— Как же так получается?.. Вот так получается!..

— Ты о чем, Алеша? — не поняла учительница.

— О золотом пере... — сказал Алеша. — Разве можно ставить двойки золотым пером?

— Значит, сегодня у тебя не золотые знания, — сказала учительница.

— Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? — сказал Алеша. — Вот так номер! Какой же это подарок?!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Ручку тебе папа подарил, а сегодняшней подарок ты себе сам сделал.

РИСУНОК

Алеша нарисовал цветными карандашами деревья, цветы, траву, грибы, небо, солнце и даже зайца.

— Чего здесь не хватает? — спросил он папу.

— Всего здесь достаточно, — ответил папа.

— Чего здесь недостаточно? — спросил он брата.

— Всего хватает, — сказал брат.

Тогда Алеша перевернул рисунок и написал на обороте вот такими большими буквами:

И ЕЩЕ ПЕЛИ ПТИЦЫ.

— Вот теперь, — сказал он, — там всего хватает!

В ЛЮБОМ ДЕЛЕ НУЖНО УМЕТЬ РАБОТАТЬ

У нас в школе открылась секция бокса. Туда записывали самых смелых. Подающих надежды. Я сейчас же пошел записываться, потому что давно подавал надежды. Так все ребята считали. После того как я хотел Мишку стукнуть и промахнулся. И кулаком попал в стенку. И кусок штукатурки отбил. Все тогда удивились. «Вот так дал! — говорят. — Вот это удар!» Я ходил с распухшей рукой и всем показывал: «Ви-

дишь? Вот у меня удар какой! Не выдерживает рука. А то я, пожалуй, и стенку пробил бы!»

— Насквозь?! — удивлялись ребята.

С тех пор за мной пошла слава сильнейшего. Даже после того, как рука прошла. И показывать было нечего.

И вот я пришел первым в секцию. И записался. И еще ребята пришли. И Мишка тоже записался.

Начались занятия.

Я думал, нам сразу наденут перчатки и мы будем драться друг с другом. Я всем дам нокаут. Все скажут: «Вот это боксер!» А тренер скажет: «Эге, да ты чемпионом будешь! Надо тебе шоколад есть. Мы попросим у государства, чтоб государство тебя бесплатно кормило. Шоколадом и разными там сладостями. Раз такой редкий талант появился».

Но тренер не дал перчаток. Он выстроил нас по росту. Сказал: «Бокс — дело серьезное. Пусть все об этом подумают. И если кто из вас по-другому думает, то есть что бокс не серьезное дело, пусть тот спокойно покинет зал».

Зал никто не покинул. Построились в пары. Как будто бы не на бокс пришли, а на урок физкультуры. Потом разучивали два удара. Махали руками по воздуху. Иногда тренер нас останавливал. Говорил, мы неправильно делаем. И начиналось сначала. Один раз тренер сказал кому-то:

— Вон там, в широченных штанах, что ты делаешь?

Я вовсе не думал, что это мне, а тренер ко мне подошел и сказал, что я бью левой рукой вместо правой, в то время как все бьют только правой, и неужели нельзя быть внимательней.

Я обиделся и не пришел больше. Очень мне нужно, думал я, заниматься какой-то глупостью. С моим-то ударом! Когда я стенку могу пробить. Очень мне все это нужно. Пусть Мишка там занимается. И другие. А я приду, когда будут драться. Когда наденут перчатки. И тогда мы посмотрим. Очень мне нужно просто руками махать! Это прямо смешно.

Я перестал ходить в секцию. Только Мишку спрашивал:

— Каково? Все руками машете?

Я смеялся над Мишкой. Дразнил его. И спрашивал:

— Ну, каково?

А Мишка молчал. Иногда говорил:

— Никаково.

Однажды он мне говорит:

— Завтра спарринг.

— Чего? — говорю.

— Приходи, — говорит, — сам увидишь. Спарринг — это учебный бой. Мы, в общем, драться будем. То есть работать. По-нашему так.

— Ну, работай, работай, — я говорю. — Зайду завтра к вам, поработаем.

Захожу в секцию на другой день. Тренер спрашивает:

— Ты откуда?

— Я, — говорю, — здесь записан.

— Ах, вот оно что!

— Я в спарринг хочу.

— Ну, — сказал тренер.

— Ну да, — сказал я.

— Все ясно, — говорит тренер. Он надел мне перчатки. И Мишке надел перчатки.

— Слишком ты боевой, — сказал он.

Я сказал:

— Разве это плохо?

— Хорошо, — сказал он. — Очень даже.

Мы с Мишкой вышли на ринг.

Я размахнулся и как ударю! Но мимо. Я второй раз размахнулся — и сам упал. Значит, опять промахнулся.

Я смотрю на тренера. А тренер говорит:

— Работай, работай!

Я встал и опять замахнулся, как вдруг Мишка мне как стукнет! Я хотел его тоже стукнуть, а он как трахнет мне в нос!

Я даже руки опустил. И не пойму, в чем дело.

А тренер говорит:

— Работай, работай!

Мишка говорит тренеру:

— Мне с ним неинтересно работать.

Я разозлился, на Мишку кинулся и упал снова. Не то споткнулся, не то от удара.

— Нет, — говорит Мишка, — я с ним работать не буду. Он все время падает.

Я говорю:

— Я не все время падаю. Я ему дам сейчас!

А он мне в нос как даст снова!

И я опять на пол сел.

А Мишка уже перчатки снимает. И говорит:

— Нет, это просто смешно мне с ним работать.

Он совсем не может работать.

Я говорю:

— Ничего нет смешного... Я сейчас встану...

— Как хочешь, — говорит Мишка, — можешь и не вставать, это вовсе не важно.

ПАРА ПУСТЯКОВ

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать.

Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провел время.

Все закричали:

— Правильно! — На том и порешили. Разъехались все кто куда. Клиим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал — пять страниц:

«Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасенный мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». Я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил ее!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно. «Вперед! — сказал я сам себе. — Непременно там кто-нибудь есть!»

Вокруг меня падали балки. Несколько балок упали сзади меня, а несколько впереди. Несколько балок упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три упали у другого бока. Пять балок упали мне прямо на голову. Несколько балок еще где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, — сказали они. — Мы только что из продмага». Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошел ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, — сказал я, — перевести вас на

другую сторону». Я перевел ее на ту сторону и вернулся обратно. Подошли еще старушки. Их тоже я перевел на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста, я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пустяков».

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевел на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрашивал».

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие написали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнется, — думал Клим. — В моем письме много героических поступков. Все будет хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем. А его письма не прочла.

«Ну, тут все ясно, — подумал Клим. — Письмо в газету отправили. Там его напечатают.

Может быть, будет мой портрет. Все скажут: «Ой, это он! Смотрите!» А я скажу: «Ну и что же? Для меня это пара пустяков».

КОНЬКИ КУПИЛИ НЕ НАПРАСНО

Я не умел на коньках кататься. И они лежали на чердаке. И наверное, ржавели.

Я очень хотел научиться кататься. У нас во дворе все умеют кататься. Даже маленький Шурик умеет. Мне было стыдно выйти с коньками. Все смеяться будут. Пусть уж лучше коньки ржавеют!

Однажды папа сказал мне:

— Коньки я тебе купил напрасно!

И это было справедливо. Я взял коньки, надел их и вышел во двор. Каток был полон. Кто-то смеялся.

«Начинается!» — подумал я.

Но ничего не начиналось. Меня пока не замечали. Я вышел на лед и упал на спину.

«Сейчас начнется», — подумал я.

Струдом поднялся. Мне было трудно стоять на льду. Я не двигался с места. Но самое удивительное было то, что никто, абсолютно никто не смеялся, не показывал на меня пальцем, а, наоборот, Маша Кошкина подбежала ко мне и сказала:

— Дай руку!

И хотя я упал еще два раза, а все равно был доволен.

И я сказал Маше Кошкиной:

— Спасибо, Маша! Ты научила меня кататься.

А она сказала:

— Ой, что ты, что ты, я только тебя держала за руку.

В ШКАФУ

Перед уроком я в шкаф залез. Я хотел мяукнуть из шкафа. Подумают — кошка, а это я.

Сидел в шкафу, ждал начала урока и не заметил сам, как уснул.

Просыпаюсь — в классе тихо. Смотрю в щелочку — никого нет. Толкнул дверь, а она закрыта. Значит, я весь урок проспал. Все домой ушли, и меня в шкафу заперли.

Душно в шкафу и темно, как ночью. Мне стало страшно, я стал кричать:

— Э-э-э! Я в шкафу! Помогите!

Прислушался — тишина кругом.

Я опять:

— О! Товарищи! Я в шкафу сижу!

Слышу чьи-то шаги. Идет кто-то.

— Кто здесь горланит?

Я сразу узнал тетю Ньюшу, уборщицу.

Я обрадовался, кричу:

— Тетя Ньюша, я здесь!

— Где ты, родименький?

— В шкафу я! В шкафу!

— Как же ты, милый, туда забрался?

— Я в шкафу, бабуся!

— Так уж слышу, что ты в шкафу. Так чего ты хочешь?

— Меня заперли в шкаф. Ой, бабуся!

Ушла тетя Ньюша. Опять тишина. Наверное, за ключом ушла.

Опять шаги. Слышу голос Пал Палыча. Пал Палыч — наш завуч...

Пал Палыч постучал в шкаф пальцем.

— Там нет никого, — сказал Пал Палыч.

— Как же нет? Есть, — сказала тетя Ньюша.

— Ну где же он? — сказал Пал Палыч и постучал еще раз по шкафу.

Я испугался, что все уйдут, я останусь в шкафу, и изо всех сил крикнул:

— Я здесь!

— Кто ты? — спросил Пал Палыч.

— Я... Цыпкин...

— Зачем ты туда забрался, Цыпкин?

— Меня заперли... Я не забрался...

— Гм... Его заперли! А он не забрался! Видели? Какие волшебники в нашей школе! Они не забираются в шкаф, в то время как их запирают в шкафу. Чудес не бывает, слышишь, Цыпкин?

— Слышу...

— Ты давно там сидишь? — спросил Пал Палыч.

— Не знаю...

— Найдите ключ, — сказал Пал Палыч. — Быстро.

Тетя Ньюша пошла за ключом, а Пал Палыч остался. Он сел рядом на стул и стал ждать. Я видел сквозь щелку его лицо. Он был очень сердитый. Он закурил и сказал:

— Ну! Вот до чего доводит шалость! Ты мне честно скажи: почему ты в шкафу?

Мне очень хотелось исчезнуть из шкафа. Откроют шкаф, а меня там нет. Как будто бы я там и не был. Меня спросят: «Ты был в шкафу?» Я скажу: «Не был». Мне скажут: «А кто там был?» Я скажу: «Не знаю».

Но ведь так только в сказках бывает! Наверняка завтра маму вызовут... Ваш сын, скажут, в шкаф залез, все уроки там спал, и все такое... Как будто мне тут удобно спать! Ноги ломит, спина болит. Одно мучение! Что было мне отвечать?

Я молчал.

— Ты живой там? — спросил Пал Палыч.

— Живой...

— Ну сиди, скоро откроют...

— Я сижу...

— Так... — сказал Пал Палыч. — Так ты ответишь мне, почему ты залез в этот шкаф?

Я молчал.

Вдруг я услышал голос директора. Он шел по коридору:

— Кто? Цыпкин? В шкафу? Почему?

Мне опять захотелось исчезнуть.

Директор спросил:

— Цыпкин, ты?

Я тяжело вздохнул. Я просто уже не мог отвечать.

Тетя Ньюша сказала:

— Ключ унес староста класса.

— Взломайте дверь, — сказал директор

Я почувствовал, как ломают дверь, — шкаф затрясся, я стукнулся больно лбом. Я боялся, что шкаф упадет, и заплакал. Руками уперся в стенки шкафа, и, когда дверь поддалась и открылась, я продолжал точно так же стоять.

— Ну, выходи, — сказал директор. — И объясни нам, что это значит.

Я не двинулся с места. Мне было страшно.

— Почему он стоит? — спросил директор.

Меня вытащили из шкафа.

Я все время молчал.

Я не знал, что сказать.

Я хотел ведь только мяукнуть. Но как я сказал бы об этом...

СЕКРЕТ

У нас от девчонок секреты. Мы ни за что на свете не доверяем им свои секреты. Они по всему свету могут разболтать любую тайну. Даже самую важную государственную тайну они могут разболтать. Хорошо, что им этого не доверяют!

У нас, правда, нет таких важных секретов, откуда нам взять их! Так мы их сами придумали. У нас был такой секрет: мы зарыли в песок пару пулек и никому не сказали об этом. Был еще секрет: мы собирали гвозди. Например, я собрал двадцать пять самых разных гвоздей, но кто знал об этом? Никто! Я никому не проболтался. Сами понимаете, как нам трудно приходилось! Через наши руки прошло столько секретов, что я даже

не помню, сколько их было. И ни одна девчонка не узнала ничего. Они ходили и косились на нас, разные кривляки, и только о том и думали, чтобы выудить у нас наши тайны. Хотя они у нас ни разу ни о чем не спрашивали, но это ведь ничего не значит! До чего хитрые все-таки!

А вчера я хожу по двору с нашей тайной, с нашим новым замечательным секретом и вдруг вижу Ирку. Я прошел мимо несколько раз, и она на меня покосилась.

Я еще походил по двору, а потом подошел к ней и тихо вздохнул. Я нарочно несильно вздохнул, чтобы она не подумала, что я специально вздохнул.

Я еще раза два вздохнул, она опять только покосилась, и все. Тогда я перестал вздыхать, раз никакого от этого толку нету, и говорю:

— Если бы ты знала, что я знаю, ты бы прямо здесь, на месте, провалилась.

Она опять покосилась на меня и говорит:

— Не беспокойся, — отвечает, — не провалюсь, как бы ты сам не провалился.

— А мне-то чего, — говорю, — проваливаться, мне-то нечего проваливаться, раз я тайну знаю.

— Тайну? — говорит. — Какую тайну?

Смотрит на меня и ждет, когда я ей начну рассказывать про тайну.

А я говорю:

— Тайна есть тайна, и не для того она существует, чтобы каждому эту тайну разбалтывать.

Она почему-то разозлилась и говорит:

— Тогда уходи отсюда со своими тайнами!

— Ха, — говорю, — вот еще не хватало! Твой двор это, что ли?

Мне прямо смешно даже стало. Вот ведь до чего докатились!

Мы постояли, постояли, потом вижу — она снова косится.

Я сделал вид, что уйти собрался. И говорю:

— Ладно. Тайна при мне останется. — И усмехнулся так, чтобы она поняла, что это значит.

Она голову даже ко мне не повернула и говорит:

— Нету у тебя никакой тайны. Если у тебя какая-нибудь тайна была бы, ты бы давно уже рассказал, а раз ты не рассказываешь, значит, ничего такого нету.

Что, думаю, она такое говорит? Ерунду какую-то. Но, честно говоря, я немножко растерялся. И правда, ведь могут мне не поверить, что у меня есть какая-то тайна, раз, кроме меня, никто не знает о ней. У меня в голове здорово все перемешалось. Но я сделал вид, что у меня там ничего не перемешалось, и говорю:

— Очень жалко, что тебе доверять нельзя. А то бы я тебе все рассказал. Но ты можешь оказаться предательницей...

И тут я вижу, она опять на меня одним глазом косится.

Я говорю:

— Дело тут не простое, ты это, надеюсь, прекрасно понимаешь, и обижаться по всякому поводу, я думаю, не стоит, тем более если бы это был не секрет, а какой-нибудь пустяк, и если бы я тебя знал получше...

Говорил я долго и много. Почему-то у меня такое желание появилось — долго и много говорить. Когда я кончил, ее рядом не было.

Она плакала, прислонившись к стене. Ее плечи дрожали. Я слышал всхлипывания.

Я сразу понял, что она ни за что на свете не может оказаться предательницей. Она как раз тот человек, которому спокойно можно все доверить. Я это сразу понял.

— Видишь ли... — сказал я, — если ты... дашь слово... и поклянешься...

И я ей рассказал весь секрет.

На другой день меня били.

Она разболтала всем...

Но самое главное было не то, что Ирка оказалась предательницей, не то, что секрет был раскрыт, а то, что потом мы не могли придумать ни одного нового секрета, сколько мы ни старались.

ЗАКУТАННЫЙ МАЛЬЧИК

Этот мальчик был так закутан, что на него нельзя было смотреть без смеха. Поверх всего он был обмотан большим шерстяным платком. Из сплошного клубка одежды торчали лишь нос и два глаза.

— Как ты на коньках катаешься? — спросил я.

— Никак.

— И на лыжах не катаешься?

- Не катаюсь.
- Вот так и стоишь у стены без движения?
- А зачем мне движение?
- Так ты бы лучше дома сидел.
- Я вышел воздухом подышать.
- Научить тебя на коньках кататься?
- Не надо.
- Тебе одежда мешает? Так ты разденься.
- Мне холодно будет.
- На коньках холодно не бывает.
- Мне и так тепло.
- Вот чудак! Ну и стой возле стенки, только смешно смотреть на тебя. Как чучело.
- А вот и нет.
- Как же нет, когда вон ты какой смешной!
- Не смей смеяться, я тебя стукну!
- Как же ты стукнешь? Тебе и руку поднять невозможно.

Я побежал кататься.

Закутанный мальчик очень обиделся, побежал за мной, но сейчас же упал. Он встал, сделал шаг и опять упал.

— Поставьте его у стены, — сказал кто-то, — а то он так будет все время падать.

МЯЧ И ЧИЖ

Настал первый день каникул. Вожатый и октябрята собрались в школе. Вожатый сказал:

— Мы должны позаботиться, чтоб на каникулах не было скучно.

— Сходим в музей!

— Купим мяч!

— Купим чижа!

На другой день вожатый и октябрята обсуждали вопрос о хоккейном мяче и чиже для кружка юннатов.

На третий день они не могли решить, что купить: мяч хоккейный или чижа.

На четвертый день во главе с вожатым октябрята пришли к выводу, что хоккейный мяч нужен ничуть не меньше, чем чиж.

— Мы собираемся в пятый раз, — заявил вожатый на следующий день, — у меня с головой что-то творится.

Октябрята на это ответили:

— У нас тоже головы не чугунные. Но мы должны решить этот вопрос.

И решили, что чиж — чудесная птица, но и мяч хоккейный — хорошая штука.

На шестой день октябрята с вожатым были склонны купить хоккейный мяч, если бы не имели в виду чижа.

На седьмой день они заседали, как прежде, и вопрос стоял о мяче и чиже. Только пока еще не было ясно, что именно лучше купить.

На восьмой день вожатого не пустила мама, он переутомился и слег в постель.

На девятый день октябрята пришли к вожатому. Он, приподнявшись с постели, сказал:

— Вопрос решен. Мы купим чижа. Каникулы завтра кончаются, хоккейный мяч уже ни к чему... тем более что его самим можно сделать.

КАК МЫ В ТРУБУ ЛАЗАЛИ

Большущая труба валялась на дворе, и мы на нее с Вовкой сели. Мы посидели на этой трубе, а потом я сказал:

— Давай-ка в трубу полезем. В один конец влезем, а выйдем с другого. Кто быстрее вылезет.

Вовка сказал:

— А вдруг мы там задохнемся?

— В трубе два окошка, — сказал я, — как в комнате. Ты же в комнате дышишь?

Вовка сказал:

— Какая же это комната? Раз это труба. — Он всегда спорит.

Я полез первым, а Вовка считал. Он досчитал до тринадцати, когда я вылез.

— А ну-ка я, — сказал Вовка.

Он полез в трубу, а я считал. Я досчитал до шестнадцати.

— Ты быстро считаешь, — сказал он, — а ну-ка еще!

И он снова полез в трубу.

Я сосчитал до пятнадцати.

— Совсем там не душно, — сказал он, — там очень прохладно.

Потом к нам подошел Петька Ящиков.

— А мы, — говорю, — в трубу лазаем! Я на счете тринадцать вылез, а он на пятнадцати.

— А ну-ка я, — сказал Петя.

И он тоже полез в трубу.

Он вылез на восемнадцать.

Мы стали смеяться.

Он снова полез.

Вылез он очень потный.

— Ну как? — спросил он.

— Извини, — сказал я, — мы сейчас не считали.

— Что же, значит, я даром полз?

Он обиделся, но полез снова.

Я сосчитал до шестнадцати.

— Ну вот, — сказал он, — постепенно получится!

И он снова полез в трубу.

В этот раз он там долго полз. Чуть не до двадцати. Он разозлился, хотел опять лезть, но я сказал:

— Дай другим полезть, — оттолкнул его и полез сам.

Я набил себе шишку и долго полз. Мне было очень больно. Я вылез на счете тридцать.

— Мы думали, что ты пропал, — сказал Петя.

Потом полез Вовка. Я уже до сорока сосчитал, а он все не вылезает. Гляжу в трубу — там темно. И другого конца не видно.

Вдруг он вылезает. С того конца, в который влез. Но вылез он головой вперед. А не ногами. Вот что нас удивило!

— Ух, — говорит Вовка, — чуть не застрял...

— Как это ты повернулся там?

— С трудом, — говорит Вовка, — чуть не застрял...

Мы здорово удивились.

Тут подошел Мишка Меньшиков.

— Чем вы тут, — говорит, — занимаетесь?

— Да вот, — говорю, — в трубу лазаем. Хочешь полезть?

— Нет, — говорит, — не хочу. Зачем мне туда лазать?

— А мы, — говорю, — туда лазаем.

— Это видно, — он говорит.

— Чего видно?

— Что вы туда лазали.

Глядим мы друг на друга. И вправду видно. Мы все как есть в красной ржавчине. Все как будто заржавели. Просто жуть!

— Ну, я пошел, — говорит Мишка Меньшиков.

И он пошел.

А мы больше в трубу не полезли. Хотя мы уже все были ржавые. Нам все равно уже было. Лезть можно было. Но мы все равно не полезли.

СПИНА, КОТОРАЯ ЗАГОРЕЛА

В пионерлагере я решил загорать. Пусть все скажут: смотрите! Каким был, а каким стал!

Кто куда, а я майку долой, чтоб никто не заметил. И ползком, ползком в сторону. В первый день солнца не было. И я все под дождем сидел. Зря, правда. Но я думал, солнце появится. Один день, в общем, зря пропал. Ну, а потом пошло дело. Солнце всю светило. И я всю загорел. Спина просто черная стала. Как раз время всем показать.

Показываю спину Славке. А он ничего не говорит.

— Ты что, не видишь, — говорю, — спина у меня какая?

Он внимательно посмотрел и говорит:

— Пупырчатая.

— А еще что видишь?

— А-а-а... — говорит, — теперь вижу.

И как даст мне по спине ладонью!

— Большой комар, — говорит, — сидел.

— Да ты еще погляди.

— Больше нет комаров, — говорит.

И ушел.

Показал спину Димке.

— Видишь?

— Вижу, — говорит. — Спина.

— А больше ты ничего не видишь?

— Ничего там больше нет, — говорит.

Поругались мы с ним.

Степку встретил. Показываю ему спину.

— Видал? — говорю.

— И я так могу, — говорит.

И тоже выгнул спину.

Я как заору:

— Да что ты — не видишь, что спина у меня загорелая?!

— Ну и что? — говорит.

Повернулся и пошел. Смотрю я на его спину и вижу, что она у него здорово загорелая. Ничуть не меньше моей. Только вот почему он ее никому не показывает — непонятно!

НЕ ВЕЗЕТ

Прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут еще: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый?»

Отец говорит:

— Чего он орет?

А мама говорит:

— У него, наверное, веселое настроение, вот он и поет.

Отец говорит:

— Наверное, пятерку получил, вот и весело на душе человеку. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь.

Я как это услышал, еще больше заорал. Тогда отец говорит:

— Ну ладно, Вовка, порадуй отца, покажи свой дневник.

Тут я сразу петь перестал.

— Зачем? — спрашиваю.

— Да ладно уж, — говорит отец, — показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать.

Берет он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит:

— Ты гляди, получил двойку и поет! Этого еще не хватало! Что он, с ума сошел? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя случайно нет температуры?

— Нету у меня, — говорю, — никакой температуры...

Отец развел руками и говорит:

— Тогда придется тебя наказать за это пение...
Вот как мне не везет!

НАДОЕДЛИВЫЙ МИША

Миша выучил наизусть два стихотворения, и не стало от него покоя. Он залезал на табуретки, на диваны, даже на столы и, мотнув головой, начинал сразу читать одно стихотворение за другим.

Один раз он пошел на елку к девочке Маше, не снимая пальто, влез на стул и стал читать одно стихотворение за другим. Маша даже сказала ему: «Миша, ты же не артист!» Но он не слышал, дочитал все до конца, слез со стула и был такой довольный, что даже удивительно!

А летом он поехал в деревню. В саду у бабушки был большой пенек. Миша залезал на пенек и начинал читать бабушке одно стихотворение за другим.

Надо думать, как он надоел своей бабушке!

Тогда бабушка взяла Мишу в лес. А в лесу была вырубка. И тут Миша увидел такое количество пней, что у него глаза разбежались.

На какой пенек становиться?

Он здорово растерялся!

И вот такого растерянного бабушка его привела обратно.

И с тех пор он не читал стихотворений, если у него не просили.

ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА

Первоклассник Алик нарисовал:
сиреневого верблюда,
зеленую лошадку,
синюю утку
и красного зайца.

Папа, увидев рисунок, сказал:

— Разве бывают сиреневые верблюды, зеленые лошадки, синие утки и красные зайцы?

— Не бывают, — сказал печально сын. — Но у меня было только четыре краски... Вот что я сделаю!

И он тут же нарисовал:
красный мак,
зеленый огурец,
синее небо
и сиреневую сирень...

ЕЖ

Принес я в класс ежа. Никуда его не вытаскиваю. Сидит он в сумке. Никто про него не знает. Вдруг учитель говорит:

— Что это такое?

Я говорю:

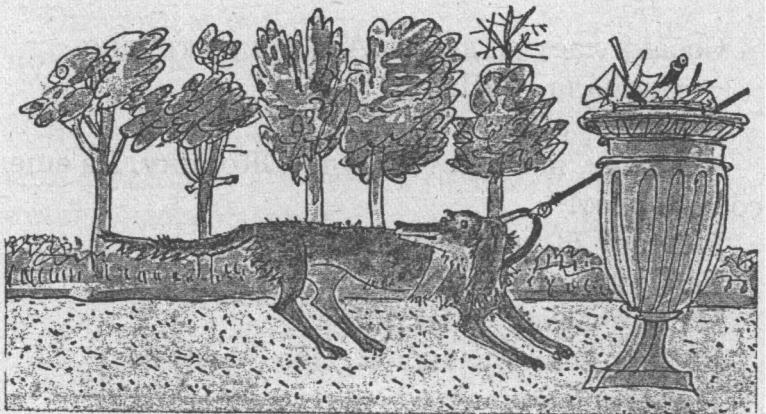
— Еж.

— Где еж? — спрашивает учитель.

— Здесь, — говорю.

А он говорит:

— А вообще я не тебя спрашиваю. Я Мишу Галкина спрашиваю, — и на доску показывает.

— Это существительное, — говорит Миша Галкин.

— Правильно, — говорит учитель, — а ты выйди с ежом!

ЛУША

Третий день Жорик сидит с букварем. Трудно читать по складам. Никак не дается слово. Только второй слог запомнит, как забывает первый. Да еще собака лает...

Л-У-ЛУ

Ш-А — ША

Забыл первый слог.

Л-У-ЛУ

Ш-А — ША

Забыл первый слог.

Л-У-ЛУ

Собака лает на дворе. А Жорику трудно.

— Сначала — ША.

Потом — ЛУ.

А может, наоборот? Трудно Жорику. Да еще собака лает!

Мешает Жорику собака.

Так, значит, — ШУ.

И получается — ШУ-ШУ.

Жорик чешет затылок. Что-то не то.

И еще собака лает...

КАК Я БОЯЛСЯ

Когда я впервые шел в школу первого сентября в первый класс, я очень боялся, что меня там будут сразу что-нибудь сложное спрашивать.

Например, спросят: сколько будет 973 и 772? Или: где находится такой-то город, который я не знаю, где он находится. Или заставят быстро читать, а я не смогу — и мне поставят двойку.

Хотя родители меня уверяли, что ничего подобного не произойдет, я все равно волновался.

И вот такой взволнованный, растерянный, даже напуганный, я вошел в класс, сел за парту и тихо спросил своего соседа:

— Писать умеешь?

Он покачал головой.

— А девятьсот семьдесят три и семьсот семьдесят два можешь сложить?

Он покачал головой и испуганно на меня посмотрел.

— А быстро умеешь читать?

Он совсем перепугался, чуть под парту не полез. Читать он совершенно не умел.

Я кое-как читать умел, но все равно боялся.

В это время учительница спросила меня, как моя фамилия, а я решил, что меня сейчас заставят быстро читать или слагать большие цифры, и сказал:

— Я ничего не знаю!

— Чего не знаешь? — удивилась учительница.

— Ничего я не знаю! — крикнул я испуганно.

— А как зовут тебя, знаешь?

— Не знаю! — сказал я.

— Ни фамилии своей, ни имени не знаешь?

— Ничего не знаю! — повторил я.

В классе засмеялись.

Тогда я сквозь шум и смех класса крикнул во все горло:

— Свою фамилию и свое имя я знаю, но больше я ничего не знаю!

Учительница улыбнулась и сказала:

— Кроме имени и фамилии, никто вас больше спрашивать ни о чем не будет. Пока еще никто из вас почти ничего не знает. Для этого вы и пришли в школу, чтобы учиться и всё знать. Вот с сегодняшнего дня мы и начнем с вами учиться.

Тогда я смело назвал свою фамилию и свое имя.

Мне даже смешно стало, что я сначала боялся.

А сосед мой назвал свое имя и фамилию раньше, чем его об этом спросили.

«КОЗЕЛ-БАРАН»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поем.

Я вообще люблю песни петь, только слов я никогда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало. И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

— Пожалуйста, я вас прошу погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

— С удовольствием! — и заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козел-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козел-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

— Хорошо было слышно?

— Хорошо, — говорю, — очень даже!

— А теперь, — говорит, — я играть буду тихо.

А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно...

ВТОРОКЛАСНИКИ И СТАРШЕКЛАСНИКИ

Второкласники были взволнованы. Они шумели. Вот один октябренок влез на стул и, обращаясь к старшим, сказал:

— Вы наши шефы. Мы вас очень любим. И поэтому мы вам хотим помочь. Вы плохо натерли пол в коридоре. Он совсем не блестит. А он должен блестеть — это каждый знает. Разрешите

те, пожалуйста, нам это сделать. Натереть пол в коридоре, чтоб он блестел.

Старшеклассники были очень сконфужены. Они написали в стенгазету: «Мы шестиклассники. Нам стыдно вчерашних позорных минут. Мы переживаем. Мы плохо натерли пол в коридоре. И мы благодарны второму «А», который пришел нам на помощь. Но мы исправим свою ошибку. Мы в скором времени соберемся и все вместе, всем коллективом, натрем пол до блеска. Пусть второклассники не беспокоятся. Все будет сделано. Мы все сделаем сами».

Но октябрята не стали ждать. Они натерли пол в тот же день. А на другой день прочли стенгазету. И написали свою заметку. «Мы, второклассники, извиняемся. Мы без разрешения натерли пол. Не переживайте. Мы все сделали сами».

КРУТИ СНЕЖНЫЕ ВЕРТЯ

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочел:

Кроя мглою буря кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

Буря мглою ..

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Все получилось, как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочел:

Утро воеет небо могилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чем тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

— Не нужно зубрить, — сказал старший брат, — разберись, в чем там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и четко прочел:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО Я МЯЧ НЕ ПОЙМАЛ

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг вижу — Таня идет.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И все из-за солнца вышло. Солнца-то не было. А из-за позы все.

И тут мне — бац! — гол забили.

Я прыгнул — поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох, и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никудышный? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать. Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

АБСОЛЮТНО ВЕРНО

— Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятала завтрак в парту.

— Что будет, — сказал учитель, — если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

— Будет очень смешно!

Миша сказал:

— Жеванье будет!

Маша сказала:

— Все сытые будут!

— А чего не будет? — спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет — никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

— Урока не будет!

— Абсолютно верно! — сказал учитель.

КИСЕЛЬ

Одному пионеру в пионерский лагерь мама привезла кисель. Она привезла его в маленьком жбанчике.

Надо сказать, она зря привезла. Там прекрасно кормили. Четыре раза. И, в общем, кисель был совсем ни к чему.

Но раз она привезла его, сын взял кисель, чтобы мать не обидеть. И обещал непременно съесть. Чтобы к учебному году поправиться.

Этот мальчик, его звали Федя, был добрый. Он взял этот жбанчик, принес к ребятам и прямо сказал:

— Кому надо кисель?

Но ребята все были сыты. Они ему прямо сказали:

— Мы не хотим.

Тогда он стал думать, куда деть кисель, раз уж так получилось. Но он ничего не смог придумать. Поставил жбанчик на тумбочку. А сам пошел прогуляться.

Он гулял, бегал, поужинал.

А вечером он пошел спать. Перед сном он подумал о жбанчике. Но ненадолго. Он скоро уснул.

Ночью проснулся, опять видит — жбанчик. Что делать? Не выливать же кисель!

Тогда он решил: «Днем нас кормят. А ночью не кормят. Вот самое время съесть кисель!»

Он отпил немного из жбанчика. И разбудил соседа.

Тот, правда, не понял в чем дело. Но выпил все остальное.

После этого оба заснули.

А к учебному году поправились.

ВЯЗАЛЬЩИК

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

— Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!..

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

— Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

— Вон вязальщик пришел!.. Эй, вязальщик!.. Вязальщик пришел!..

Представляете, какой ужас?!

Но вязать я продолжал. Все равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

— Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой желтый свитер с полосками. Полоски зеленые. Очень красиво. правда, бабушка помогла. Но в основном я все сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят.

Потом Шурик вдруг говорит:

— Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

— Вот это свитер!

Я не выдержал, говорю:

— Сам связал!

— Да ну? — удивились ребята.

— Уж что-что, — говорю, — а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

И никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

ДРУЗЬЯ

Андрюша и Славик друзья.

Они все делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

Когда Славик пошел вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

— Это Славик сделал.

А Славик сказал:

— Это все Андрюша...

БОЛЬНЫЕ

— У тебя правда нога болит?

— Никакая нога у меня не болит! А у тебя в животе правда колет?

— Ничего у меня в животе не колет. Ловко мы с тобой в классе остались!

— Ребята сейчас там, на физкультуре, прыгают, а мы с тобой сидим — красота!

— Эх, хорошо просто так сидеть!.. Давай через парты прыгать!

Я СМОТРЮ В ОКНО

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берет булку и сует ее в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он ее запихать в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и все жует и жует.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поет он не очень громко, но я слышу, как он поет:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. На доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поет все громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел.

Стук и пение прекратилось.

Толстый мальчишка жует. Он не может сжевать свою булку. Еще бы! Правда, булка не очень большая, но сразу ее не сжуешь.

— Вы поняли? — говорит папа.

— Поняли! — кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

— Все списали? — говорит папа.

— Все! — кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

— Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все. Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идем домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из того? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты и вот так на уроке пихать булку в рот и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идем домой.

ТЫКВА В СУНДУКЕ

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я сам ее вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, ее надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с нее не спускал.

— Смотри, как выросла! — кричу маме. — Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось — как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я все мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву на выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас еще не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат ее на полочку, прибьют рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я ее вырастил. И может быть, дадут премию.

Я все рассуждал о тыкве. Все поливал ее. И все спрашивал папу и маму, правильно ли я ращу тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

— Надоела мне, — говорит, — ваша тыква. Она меня просто с ума сведет. Все время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой! Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил все сосед Алька.

— Что это? — спросил он. — Тыква?

— Конечно, — сказал я, — а ты что думал?

— Я думал, — сказал он, — что это орех.

— Какой орех? — возмутился я.

— Какая же это тыква? — Он привел меня на пришкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

— Сами вырастили, — сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:

— Моя тыква — сундучная. Я ее в сундуке растил!

ПТИЧКА

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу, крадется куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадется? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошел. Вдруг кошка — прыг! Гляжу, у нее в зубах птичка. Воробышек. Я хватить кошку за хвост и держу.

— А ну, отдай птичку! — кричу. — Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку — и бежать.

Принес я птичку в класс.

Кусочек хвоста у нее оторван.

Все окружили меня, кричат:

— Гладите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

— Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня подержать дать. Но я ее никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат:

— Лови! Лови!

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас ее. А это самое главное.

КАК Я ВСЕХ ОБМАНУТЬ ХОТЕЛ

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я все-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был ненастоящий. Это я промокашку под щеку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорил — вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я все нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

— Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведеркина как заорет:

— Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

КАК ТЕТЯ ФРОСЯ РАЗРЕШИЛА СПОР

Заспорили во дворе ребята, кто больше всех загорел за лето.

— Я больше всех загорел, — сказал Вова.

— Нет, я, — сказал Петя.

— У тебя уши белые, — сказал Вова.

— Уши не в счет, — сказал Петя, — я в шляпе ходил.

— Нет, в счет! Ты без ушей загорал, а я вместе с ушами! Значит, я больше всех загорел. Кого хочешь спроси.

Спросили Лешу.

— Больше всех я загорел, — сказал Леша.

— Ты не загорелый, а грязный.

— Сами вы грязные!

— Кого хочешь спроси, каждый скажет: ты грязный.

Спросили Алика.

— Больше всех я загорел, — сказал Алик.

А тетя Фрося сказала:

— Какие вы все загорелые!

И никто больше спорить не стал.

Чего зря спорить!

КОМУ ЧТО УДИВИТЕЛЬНО

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» — даже если бывает и удивительно.

Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!

Я все старался ее удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она все это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она все не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

СУДЬБА ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Собирать, конечно, все можно. Что хочешь, то и собирай. Хочешь, сначала собирай — потом не собирай. Хочешь — марки собирай, хочешь — спичечные коробки, хочешь — камни. Хочешь — собирай все вместе: камни, марки, коробки и еще что-нибудь в придачу. Это, как говорится, дело личное. Натаскай себе разных булыжников в комнату и живи в свое удовольствие! Если только мама позволит. Хотя камни

бывают разные. Некоторые камни полезно собирать. Марки тоже полезны. Знакомишься с разными странами, королями, президентами; сталкиваешься, если можно так выразиться, с историей, географией. Полезно собирать книги. Про книги и говорить нечего. Тут пользы — масса. Опять-таки если читать их. А если так, на полке стоят, пользы тоже немного.

Одна девочка, Маша Мишкина, собирала фотографии артистов. Ничего в этом плохого, безусловно, нету. Но говорить о пользе тут тоже трудно. Ну какая тут может быть польза? Разве только сказать при случае: «А как же! Я этого артиста знаю. У меня есть его фотография». На это можно ответить: «Ну и что же?» На свете есть куда более полезные вещи, чем эти фотографии.

И вот эта девочка Маша насобираала ужасно много фотографий артистов. Собирать уже вроде некуда — стены все в фотографиях, альбомы полные. Родители смотрят на это безобидное занятие и про себя думают: «Ну и, слава богу, наша дочка занята делом». (Хотя никакого дела здесь, безусловно, нет.) Только иногда отец скажет: «Опять вокруг какие-то незнакомые лица». На это дочка ему отвечала: «Эх ты, папа! Как же ты их не знаешь?! Их каждый знает!» И отец даже немного конфузился после такого ответа.

Он был занятой человек, директор какого-то крупного учреждения, и его не очень-то радовали эти фотографии. Поскольку они ему ни о чем не говорили. Но против он тоже не был. Он просто был безразличен. Только когда он уставал,

эти фотографии его раздражали. Но это бывало редко. В основном он был крепкий человек и почти не знал усталости. А Машина мама — наоборот, она даже радовалась, что у ее дочери столько фотографий, гораздо больше, чем у других детей. А Маша видит такое дело — всю знай старается. Большого успеха она достигла, меняя одни фото на другие. К примеру: «Вот вам такой артист, а вы мне дайте такого». Или: «Я вам двух этих, а вы мне двух тех». Она не очень-то хорошо знала фамилии артистов. Одних она, правда, видела в кино, а других и вовсе нигде не видела, но если ей говорили, что это именно артист, а не какая-нибудь другая личность, она моментально загоралась приобрести эту фотографию. Один мальчишка предложил ей несколько карточек своих старших братьев, уверяя ее, что это артисты. Она за эти фотографии отдала ему несколько книг, в том числе «Моби Дик, или Поиски белого кита» и «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви». Она методично писала письма в различные советские и иностранные журналы с просьбой выслать ей фотографии артистов. Хотя каждому ясно, что журналы существуют не для этого. Своими письмами она отвлекала людей от работы, занимала их золотое время. Получая такое пустячное письмо, работник издательства разводил руками и, наверное, возмущался.

Несмотря на то что ни один журнал ей ничего не прислал, она насобирала столько этих фото, что можно удивляться. В итоге у нее появилось по

несколько одинаковых артистов: шесть одних, пятнадцать других, двадцать пять третьих. Это уж вроде совсем ни к чему. Но она не останавливалась. В любом деле трудно остановиться, если оно тебя захватывает. Хотя каждому ясно, что эта меняловка бессмысленна. А она за одной какой-то фотографией обегала весь город и даже собиралась просить отца, чтобы он взял ее с собой в Москву, когда поедет в командировку. Отец как-то невнимательно отнесся к этой просьбе, и она, может быть, именно из-за этой фотографии осталась на второй год. Она потратила уйму времени, чтобы достать ее в своем родном городе. Для родителей это было полной неожиданностью, но они пока не понимали причины. Вскоре и родители увидели некоторую неприятную сторону этой коллекции. Самые любимые и ценные семейные фотографии: отца с матерью на фоне орла в Ессентуках, мать по горло в воде в Японском море, отец на лошади с шашкой в период Гражданской войны, дед с Георгиевским крестом, бабушка с девятью детьми — все эти редчайшие семейные фотографии были выкинуты из альбома и неизвестно куда делись. На их месте появились совсем незнакомые отцу люди. У родителей даже слезы появились на глазах. И они прямо спросили ее, куда она дела семейные фотографии? А Маша, не понимая их расстройств, говорит: «Неужели вы не видите, что эти снимки гораздо ценнее ваших?» Тогда рассерженный отец хватается у нее этот альбом и кидает его в форточку. Во время полета десятки фотографий выскакивают из альбома и ле-

тят по воздуху, кружась и перевертываясь. Потом альбом приземляется во дворе, а за ним многочисленные фото. Маша все это видит, и сердце у нее захватывает от такой ужасающей картины. Отец говорит: «Чтобы больше я не видел у себя этих незнакомых лиц!»

Маша в слезах бежит во двор, но альбома там не находит. Только одна карточка, не очень популярного артиста, валялась на песке. А когда она возвратилась, рассерженный отец посрывал со стен еще несколько фотографий.

Но, как ни странно, это на нее не подействовало. Она не собиралась расставаться со своей коллекцией. Она продолжала ее пополнять с еще большим рвением.

Альбомы с фотографиями и солидные пачки, перевязанные бечевкой, она прятала в какие-то тайники, которые ни одна живая душа не могла бы найти, не говоря уже о родителях. Когда родители уходили, она бросалась к своим тайникам и пересчитывала, перекладывала свою ценность. Дел у нее по горло было, как видите. Отдохнуть ей было некогда. Все время она узнавала, что существуют какие-то фото, которых она не имеет. Никакого конца видно не было. Хлопот у нее не убавилось, а, наоборот, как бы это сказать, прибавилось.

У нее вся жизнь как-то боком пошла. В кино она не ходила. В Театр юного зрителя не ходила. В зверинец не ходила. В музеи не ходила. На футбол и подавно не ходила. В школу тоже почти не ходила. Иногда появлялась, правда, очень редко.

Ее взгляд устремлен был вдаль — пустой, странный взгляд. Там, вдали, ей, наверное, чудились какие-нибудь редкие фотографии артистов, которые она не успела приобрести...

Мы не знаем, чем все это кончилось. Может быть, она приобрела еще несколько экземпляров для своей коллекции...

Но потеряла она гораздо больше.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПРОФЕССИЯ

Как только погас у нас в комнате свет, к нам сейчас же стали стучать соседи. Они спрашивали: «Что такое?» Мы с мамой тоже пошли стучать к соседям и спрашивать: «Что такое?»

Но никто ничего не знал, и все только спрашивали: «Что такое? Что случилось?» Только один дядя Яша сказал:

— Ничего не случилось. Погас свет — и все. Перегорели пробки.

Все собрались на улице возле подъезда.

— Вот еще новость!

— Как это так! Никогда так не было!

Все говорили, что дело не в пробке, а где-то в сети, а я спрашивал, где эта пробка и сеть, но мне никто не ответил.

Дядя Яша пошел звонить монтерам, а все стали говорить, как погас свет.

Тетя Нюша сказала:

— Вы знаете, как только это случилось, моя кошка кинулась в кухню и съела там свежую рыбу.

Тетя Женя сказала:

— Вы слышите? Это кричит мой ребенок. Он будет кричать, пока свет не зажгут.

Тетя Ира сказала:

— Не верится, что раньше жили без света. С какими-то свечками. С лампами, которые коптят. Жили в каком-то жалком мерцании. В каких-то потемках.

Наша бабушка сказала:

— Как же, помню! Еще как помню! И ламп-то у нас не было. Темень. Мрак. Ничего не видно.

Бабушка наша жила при царе. До сих пор возмущается царским режимом. Как начнет — не остановится. Но тут монтеры приехали.

Я смотрю, как будут свет зажигать. Интересно ведь!

Подъезжает к столбу машина. Вместо кузова круглый такой балкончик. В этот балкончик залез монтер. И балкончик стал вверх подниматься. Монтер добирается до проводов. И что-то там с проводами делает.

И загорается свет во всем доме.

Монтер говорит:

— Все в порядке!

Наша бабушка говорит:

— Удивительная у вас профессия!

Монтер говорит:

— Это дело простое...

Тетя Ира говорит:

— Замечательное ваше дело!

Тетя Женя говорит:

— Вы слышите? Мой ребенок смеется.

Тетя Ньюша говорит:

— Зашли бы в гости. Я для вас свежей рыбы нажарю.

Монтер отвечает:

— Я рыбу люблю. Но нас ждут в другом доме. И он уезжает в своей машине.

Я смотрю вслед и думаю: «Вот бы мне ездить в такой машине! Я неся бы во весь дух по улицам. Я просил бы шофера: «Скорей! Скорей!» Мы обгоняли бы все машины. Даже, может быть, пожарную машину. И люди бы, глядя на нас, говорили: «Смотрите! Смотрите, монтеры едут! Удивительная у них профессия!»

ПОДХОДЯЩАЯ ВЕЩЬ

Я занимаюсь в столярном кружке. Очень мне нравится это дело. Недавно я стол смастерил. Только плохой стол вышел. Мы его с Вовкой сломали — стул сделали.

И стул какой-то кривой получился. Не научились, наверное, стулья делать.

Сломали стул — сколотили скамейку. И скамейка нам не понравилась.

Тогда мы решили скворечню сделать. Тоже немало пришлось потрудиться; в конце концов, получилась скворечня.

— Ну что это за вещь? — говорят ребята. — Какая же это вещь?

Повесили мы скворечню на дерево. Вскорости и скворец прилетел. Поселился в нашей скво-

речне. Раз скворец в ней живет, значит, вещь подходящая.

Мы с Вовкой так думаем.

ПРЕМИЯ

Оригинальные мы смастерили костюмы — ни у кого таких не будет! Я буду лошадью, а Вовка рыцарем. Только плохо, что он должен ездить на мне, а не я на нем. И все потому, что я чуть младше. Видите, что получается! Но ничего не поделаешь. Мы, правда, с ним договорились: он не будет на мне все время ездить. Он немножко на мне поедит, а потом слезет и будет меня за собой водить, как лошадей за уздечку водят.

И вот мы отправились на карнавал.

Пришли в клуб в обычных костюмах, а потом переоделись и вышли в зал. То есть мы въехали. Я полз на четвереньках. А Вовка сидел на моей спине. Правда, Вовка мне помогал — по полу перебирал ногами. Но все равно мне было нелегко.

К тому же я ничего не видел. Я был в лошадиной маске. Я ничего совершенно не видел, хотя в маске и были дырки для глаз. Но они были где-то на лбу. Я полз в темноте. Натыкался на чьи-то ноги. Раза два налетал на колонну. Да что и говорить! Иногда я встряхивал головой, тогда маска съезжала, и я видел свет. Но на какой-то миг. А потом снова сплошная темень. Ведь не мог я все время трясти головой!

Я хоть на миг видел свет. Зато Вовка совсем ничего не видел. И все меня спрашивал, что впереди. И просил ползти осторожнее. Я и так полз осторожно. Сам-то я ничего не видел. Откуда я мог знать, что там впереди! Кто-то ногой наступил мне на руку. Я сейчас же остановился. И отказался дальше ползти. Я сказал Вовке:

— Хватит. Слезай.

Вовке, наверное, понравилось ездить, и он не хотел слезать. Говорил, что еще рано. Но все же слез, взял меня за уздечку, и я пополз дальше. Теперь мне уже было легче ползти, хотя я все равно ничего не видел.

Я предложил снять маски и взглянуть на карнавал, а потом надеть маски снова. Но Вовка сказал:

— Тогда нас узнают.

Я вздохнул и пополз дальше.

— Наверное, весело здесь, — сказал я. — Только мы ничего не видим...

Но Вовка шел молча. Он твердо решил терпеть до конца. Получить первую премию.

Мне стало больно коленкам. Я сказал:

— Я сейчас сяду на пол.

— Разве лошади могут сидеть? — сказал Вовка. — Ты с ума сошел! Ты же лошадь!

— Я не лошадь, — сказал я. — Ты сам лошадь.

— Нет, ты лошадь, — ответил Вовка. — И ты знаешь прекрасно, что ты лошадь. Мы не получим премии!

— Ну и пусть, — сказал я. — Мне надоело.

— Не делай глупостей, — сказал Вовка. — Потерпи.

Я подполз к стене, прислонился к ней и сел на пол.

— Ты сидишь? — спросил Вовка.

— Сижу, — сказал я.

— Ну ладно уж, — согласился Вовка. — На полу еще можно сидеть. Только смотри, не сядь на стул. Тогда все пропало. Ты понял? Лошадь — и вдруг на стуле!..

Кругом гремела музыка, смеялись.

Я спросил:

— Скоро кончится?

— Потерпи, — сказал Вовка, — наверное, скоро...

Вовка тоже не выдержал. Сел на диван. Я сел рядом с ним. Потом Вовка заснул на диване. И я заснул тоже.

Потом нас разбудили и дали нам премию.

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Надумали мы позвонить Анне Павловне, нашей учительнице. Не то чтобы нам нужно было позвонить, нам совсем не нужно было звонить, нам просто так захотелось поговорить по телефону с Анной Павловной, тем более, что мы с Анной Павловной по телефону никогда не говорили.

Мы влезли в будку-автомат вдвоем с Вовкой, и Вовка стал набирать номер, а я должен был говорить. Вот Вовка набрал номер, и я слышу в

трубке голос Анны Павловны. Я растерялся и говорю:

— Кто говорит?

И Анна Павловна говорит:

— Кто говорит?

Я совсем растерялся и говорю:

— Я говорю.

Анна Павловна засмеялась в трубку и спрашивает:

— Это ты, Звездочкин? — Значит, тоже узнала меня.

Я отвечаю:

— Ага, это я, Звездочкин!

А Вовка меня в бок толкает и что-то советует. А я его рукой отстраняю: мол, не мешай разговаривать.

Анна Павловна говорит:

— Ну, я тебя слушаю, Звездочкин.

Я говорю:

— И я вас тоже слушаю, Анна Павловна! Ох, и хорошо слышно!

Анна Павловна спрашивает:

— Ты что-нибудь хочешь спросить у меня? Так ты спрашивай. Не стесняйся.

Я кричу:

— Я ничего не хочу спросить! Я с Вовкой!

— Значит, Вова хочет спросить что-нибудь?

— Не! Вовке нечего спрашивать. Он просто так стоит!

Тут я опять растерялся. И Вовку шепотом спрашиваю:

— Мы зачем звоним?

А он пожимает плечами. И молчит. А я на Вовку смотрю и не знаю, что мне отвечать. Нельзя же мне говорить такое, что мы просто так звоним. И Анна Павловна тоже молчит и ждет, что я отвечу. Вот ведь попал в положение!

Вовке-то ничего, он стоит себе, а мне отвечать нужно! Я взял и дал Вовке трубку. Он тоже растерялся и на меня смотрит. Только рот раскрыл. И ни слова. Потом протягивает мне трубку, а из трубки гудки гудят.

Я на него набросился:

— Это ты, говорю, виноват! Нужно сразу было ответить, а ты молчал!

А он только руками развел:

— Что бы я ответил?

И действительно, отвечать было нечего. Раз мы низачем звонили. Что я завтра скажу Анне Павловне, когда она спросит, зачем я звонил?

ОГУРЦЫ

Мы с Вовкой сидим на бревнах, беседуем и огурцы едим. Такие замечательные, свежие огурцы. Мы каждый год с ним сидим на бревнах и едим огурцы.

— Эх, — говорю, — как-то скучно летом. Сплошные каникулы и огурцы!

— Мне каникулы нравятся, — говорит Вовка, — но не очень.

— Не очень-то и мне нравятся, а вот чтобы очень, так вовсе не нравятся.

— Сплошное безделье. На то и лето!

— Сплошное лето, вот именно!

Вот так мы сидим с Вовкой на бревнах и разговариваем. И едим свежие огурцы.

И вдруг видим соседку Машу. Она что-то в земле копается. Непонятно зачем.

Я ей кричу:

— Что ты там делаешь?

Она говорит:

— Огурцы поливаю.

Вовка вынул из кармана огурцы и говорит:

— Вот. Пусть тоже растут на здоровье!

И я вынул два огурца из кармана. И сказал то же самое, чтобы они на здоровье росли.

— Эх вы, — говорит Маша, — только есть можете!

— В чем дело? — говорит Вовка.

— Это вдруг почему, — говорю, — только есть можем?

— Сразу видно, — говорит Маша.

Я смотрю на Вовку, а Вовка смотрит на меня, и ни я, ни он, конечно, не видим, чтобы у нас что-нибудь было видно.

— Закопайте свои тапочки, — смеется Маша, — авось новые вырастут к осени.

ДВЕ ШАПКИ

Когда моя мама куда-нибудь отлучается, Вовка приходит ко мне, а когда его мама куда-нибудь отлучается, я к нему прихожу. И мы что-нибудь делаем.

Один раз мы с ним сидим, в окно смотрим, а за окном дождь идет.

Я говорю:

— Давай что-нибудь делать.

А Вовка говорит:

— Чего?

— Что-нибудь будем делать, — говорю.

— Давай, — говорит Вовка.

— А чего будем делать?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Мы посидели, подумали, посмотрели, как дождь идет, как люди ходят под дождем, но ничего не придумали.

Очень сложно что-нибудь делать, когда делать нечего.

Вдруг я как заору:

— Придумал!

— Чего придумал? — спрашивает Вовка.

— Давай шапки стирать!

— Какие шапки?

Я весь шкаф перерыл, пока шапку нашел. А Вовка смотрел и все спрашивал: «Ты умеешь стирать? Ты умеешь стирать?»

— Да чего тут уметь, — говорю. — Гляди. Меховая, лохматая! Кое-где, правда, потерлась. Вокруг головы. А так почти новая шапка. Только сзади прореха. И спереди. И дыра сбоку. Не так чтоб большая дыра. Но заметно. Когда очень близко подходишь. А издалека не видно. Хоть целый день смотри. Скоро лето. Потом будет осень. А после зима. Постираем мы наши шап-

ки. Зима подойдет. И мы будем ходить в чистых шапках!

— У меня ведь с собой нет шапки, — говорит Вовка.

— А это что?

— Это фуражка.

— Сначала мою, — говорю, — постираем, а потом твою постираем.

— Зачем мою стирать? Мою не надо стирать, — говорит Вовка.

— Совершенно грязная шапка, — говорю. — Противно смотреть! На твоем месте я постыдился бы появляться в обществе в такой шапке.

— Я ни в каком обществе не появляюсь, — говорит Вовка.

— А на улице, по-твоему, удобно появляться?

— Ну ладно, — говорит Вовка, — твою постираем, а потом мою постираем.

Положил я шапку в корыто. Воды налил. Засучил рукава. Стал мылить шапку.

Вовка мне помогал. Мы ее по очереди мылили до тех пор, пока мыло все не измылилось.

Дальше стали ее полоскать. Мы полоскали ее, полоскали, а потом из корыта вынули и стали ее мыть под краном. Чтоб все мыло из шапки вышло. В корыте вода и так мыльная. Все мыло обратно в шапку лезет.

Мы ее под краном, наверное, целый час мыли. Кое-где мех обципали. И дыру сбоку расширили. А так здорово вымыли. Вся как есть чистая стала. Оставалось только сушить.

Вдруг Вовка мне говорит:

— Она, когда высохнет, на голову не ползет. Я здорово испугался, что она потом не ползет на мою голову, и говорю:

— Что ж ты мне раньше не сказал?

— Я только сейчас вспомнил.

— Почему же ты раньше не вспомнил?

— Не мог. Это не от меня зависит.

— А от кого же зависит?

— От памяти.

— Ну и память у тебя!

— Память у меня неважная, это верно, — говорит он.

Вот что значит память! Разве я бы стирал свою шапку, знай, что так все получится? А он все знал и забыл. Остается надеть шапку мокрой. Пусть сохнет на голове.

Мы с Вовкой выжали шапку как следует, и я надел ее, и мы пошли играть в шашки. Хотя мы выжимали шапку вовсю, воды в ней осталось много.

Вода текла по лицу и за шиворот. Но я терпел. Другие люди в более тяжелые условия попадают. И ничего. Выдерживают.

Я спокойно играл с Вовкой в шашки, а шапку свою не снимал. Мы играли с ним несколько партий. Иногда я мотал головой, и брызги летели во все стороны. Подкладка линяла. И брызги были чернильные. Вовка ежился и ругался. Вдруг мне пришла в голову мысль такая: «А вдруг, когда она высохнет, с головы не слезет?» Я даже вертеть головой перестал. Хотел Вовку спросить об этом, но мне как-то неудобно стало

его обо всем спрашивать, как будто я сам ничего не знаю. Как будто бы он в жизни больше меня понимает. И я молча сидел и думал. Я думал о многом: о том, сколько времени будет сохнуть моя шапка, о том, как я буду спать в этой шапке, поскольку она сегодня не высохнет, о том, стирают ли шапки вообще, и если стирают, то неужели вот сидят в мокрых шапках и ждут, когда они высохнут? Я вспоминал все шапки, какие мне приходилось видеть, представил многих людей в моем положении и почему-то стал сомневаться в том, что шапки вообще кто-нибудь стирает и сушит их таким образом. Я, например, вспомнил шапку папиного знакомого, директора театра, маминного знакомого, ученого... Или, может быть, есть особенные приспособления, этакие болванки, куда натягивают мокрую шапку и сушат ее, может быть, посредством какой-нибудь электрической сушилки? Я представил себе целый ряд этих болванок, на которых торчат различные шапки, и мне стало очень тоскливо, будто я какая-нибудь болванка, а не Петя Ящиков, ученик первого класса...

— Ну как, — спросил Вовка, — сохнет?

— Неважно, — говорю, — сохнет.

— И чего, — говорит, — тебе в голову пришло эту шапку стирать?

— А тебе чего-нибудь в голову пришло? — говорю.

— Мне ничего не пришло, — говорит Вовка.

— Тогда нечего на других говорить, раз самому ничего в голову не пришло.

Вдруг я вспомнил про Вовкину шапку.

Я встал и сказал:

— Вот что, Вовка, давай твою шапку стирать.

— Ну нет, — говорит Вовка, — я свою шапку стирать не буду.

— Как это так не будешь?

— Моя шапка, — говорит Вовка, — хочу — стираю, хочу — не стираю.

Я разозлился и говорю:

— Я свою шапку стирал?

— Стирал, — говорит Вовка.

— И ты свою тоже стирай!

— Нет, — говорит Вовка, — свою шапку стирать не буду. Мало ли что я хотел! Сейчас совсем другая ситуация.

— Какая это еще другая ситуация? Ишь ты какой! При одной ситуации хочешь стирать, а при другой не хочешь? А я, по-твоему, при всех ситуациях должен стирать? — Схватил я его и держу.

— Стирай, — говорю, — свою шапку!

А он вырывается и орет:

— Не буду! Не буду!

Тогда я его отпустил и говорю:

— Это просто нечестно. Не по-товарищески.

А он надевает свою нестираную шапку и уходит. И на прощание говорит:

— Ты был мой лучший друг. Мне с тобой не хотелось бы ссориться. Но раз так — я уйду. До свидания, Петя!

И он уходит. И даже хлопает дверью.

А я остаюсь сидеть. В своей мокрой шапке.

Ну, разве это товарищ? Какой же это товарищ! Нет, это не по-товарищески.

НЕУЖЕЛИ ВЫ НЕ ПОНИМАЕТЕ, КАТЕРИНА МИТРОФАНОВНА?

Один раз мы весь день макулатуру собирали, чтобы на первое место выйти.

Мы сначала не знали, куда ее складывать, а потом подумали и решили в сарай к тете Кате складывать, чтобы потом всю сразу сдать в школу. У нее там дрова лежали. Она сказала, что у нее в сарае места нет, но мы сказали — место найдем. Тогда она согласилась, но места, говорит, там все равно нет.

Мы место сразу нашли, только несколько поленьев за сарай побросали.

Потом еще несколько поленьев за сарай побросали.

Потом видим — макулатура все прибавляется, и мы еще несколько поленьев за сарай побросали.

Пес Бобик заметил, что мы в сарай разную бумагу кладем, и стал нашу макулатуру в клочья разрывать и на двор выкидывать. Мы прямо ахнули, когда такую картину увидели.

Поставили мы часового — дошкольника Андрюшу Лушкина, — чтобы он Бобика в сарай не пускал.

А он стоял, стоял, а потом пропал. Оказалось, он зашел в сарай и уснул на макулатуре. Мы на

него новую кучу бумаг свалили, а он и не заметил.

Тут оказалось, что надо еще несколько поленьев за сарай побросать

Сначала мы Андрюшу не увидели, а потом перепугались — представляете: человек лежит! Мы только отбежали на некоторое расстояние, и тут выходит из сарая Андрюша Лушкин, заспанный весь до неузнаваемости, и на голове бумажка.

Мы сразу его к маме повели, чтобы он где-нибудь опять не потерялся. Он все время вырывался и кричал: «Никуда я не пойду!» Но все-таки Лушкин свою задачу выполнил, не пустил Бобика в сарай, хотя и спал.

После дождь пошел. Мы все дрова за сарай побросали, чтоб вся макулатура поместилась. Если наша бумага намокнет, скажут — специально намочили, чтобы на первое место выйти.

В это время тетя Катя нам из окна кричит:

— Сейчас же кладите мои дрова обратно, а не то я милиционера позову!

Я ей объясняю, что мы государственное задание выполняем и за первое место соревнуемся, а она слушать не хочет и кричит на нас. Мы двери сарая загородили и так стоим, взявшись за руки.

Она, рассерженная, выбегает во двор.

Дождь прошел, и люди стали во двор выходить прогуляться. Тем более — воскресенье. Кто на велосипеде выехал, а кто просто так, без велосипеда, свежим воздухом подышать. Некоторые сели на лавочку и на нас смотрят.

Она так кричала, на всю улицу слышно было. А мы стояли, взявшись за руки, и загораживали вход в сарай.

Вокруг нас собираться стали.

Мы объясняем, какое это важное государственное дело и что мы должны на первое место выйти.

Сосед, художник Гусев, говорит:

— Неужели вы не понимаете, Катерина Митрофановна, что из этого, на первый взгляд, как вы изволили выразиться, хлама появится много книжек с моими иллюстрациями. А с вашими дровами ничего до завтра не произойдет.

Шофер дядя Вася говорит:

— Вы, Катюша, до завтра подождите, я завтра ребятам всю эту музыку на своей машине отвезу.

— А если опять дождь на мои дрова пойдет?

Дядя Вася улыбается и говорит:

— Я вам обещаю, не пойдет. Смотрите, какая погодка замечательная разгулялась!

Очень многие стали поддерживать художника Гусева и дядю Васю. А мы все так же стояли, взявшись за руки, и загораживали вход в сарай.

Тетя Катя видит такое дело и говорит:

— Если общественность требует, я уйду. Но только до завтра.

И она уходит.

К нам подходит пенсионер дядя Петя Макагонов и говорит:

— Я рад пожать ваши руки. Мне по душе такие стойкие, упорные ребята. А эти дрова — какая-то абстракция. Ведь всем нам известно, то-

варищи, уже пять лет как в нашем доме паровое отопление. Пять лет лежат эти дрова. Это полная абстракция, товарищи...

Он еще раз пожал нам руки и ушел.

А мы, довольные, побежали за следующей макулатурой.

На другой день дядя Вася отвез нас вместе с макулатурой в школу.

А потом мы вышли на второе место.

Если бы нас тетя Катя не задержала своими разговорами, мы непременно бы на первое место вышли.

Неужели вы не понимаете этого, Катерина Митрофановна?

ХОЧУ ЛОШАДЬ

— Эх, — говорит Васька, — была бы у меня лошадь, сел бы я на нее да поскакал бы во весь дух из города до самого поля и дальше, дальше в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку и дальше!

Лечу стрелой, а рядом поезд несется.

Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

— Ну и до какого же места ты доскакал бы? — спрашивают ребята.

— А ни до какого, до того же самого.

— Как это понять? — спрашивают ребята.

— А очень просто, Земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

— Ишь ты, — смеются ребята. — Вот на ракете — вжик! А не на лошади.

— А я хочу на лошади, — говорит Васька.

— Вот чудак, — смеются ребята, — зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И — вжик!

— А я лошадь хочу, — говорит Васька.

Ребята говорят:

— А еще мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел — вжик!

— А я лошадь хочу, — твердит Васька.

— Самое лучшее — велосипед, — говорят ребята, — крути себе педалями — и вжик!

— Мне лошадь надо, — говорит Васька.

— А самолет? Ка-ак — вжик!

— Эх, лошадь бы мне, — вздыхает Васька, — я бы за гриву крепко держался, ни за что на свете бы не упал, скакал бы, все скакал без передышки семь дней и семь ночей и назад возвратился... А вжик я не хочу, потому что мне лошадь охота...

ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ

ВЕЧЕР

Блестит озеро.

Солнце ушло за деревья.

Спокойно стоят камыши.

Все озеро в черных черточках. Это лодки, а в них рыбаки.

Бегут к дороге телята, становятся в ряд и смотрят на нас. Сидят две собаки и смотрят на нас.

Бегут к нам вприпрыжку мальчишки.

Грузовик наш поднял много пыли, и она оседает постепенно. Я вижу деревню, лес, озеро.

Из дома выходит хозяин с бородкой, в старой морской фуражке.

— Здравия желаем жильцам, — говорит он, — вечерок что надо, рыбка ловится, ветра нет, понюхайте-ка воздух, понюхайте... — Он громко нюхает воздух. Трясет всем нам руки.

— Пыли много, — говорит мама, — ужасно много пыли.

— Так это ваша пыль и есть, — говорит хозяин.

— Дорога у вас пыльная, — говорит мама.

— А воздух-то какой!

Все больше и больше темнеет.

Наш дом — верхние комнаты. Мы с мамой несем наши вещи. Я поднимаюсь по лестнице и все время нюхаю воздух.

— Жаль, что отцу не дали отпуск, — говорит мама.

— Такой воздух! — говорю я.

Мы с мамой стоим в новой комнате.

— Вот здесь мы будем жить летом, — говорит мама.

УТРО

Я умывался под лестницей из умывальника, а хозяин Матвей Савельич стоял рядом со мной:

— Лей, лей! Всем хватит воды, а не хватит — вон из колодца еще возьмите, в чем дело!

Я всю лил.

— Ну, как? Хорошо? Мойся, мойся! Вода хорошая! У меня колодец очень хороший. Сам рыл. Сам копал. Только у Ямщиковых такой колодец да у меня. А у других это разве колодцы?

- А что у других?
- А ты погляди.
- Схожу погляжу...
- И сходи. И мамашу возьми.

А какое было утро!

Солнце поднималось из-за озера. И опять все озеро было в черточках. А посреди озера серебристая полоса. От солнца. Деревья слегка покачивались, и полоса на озере становилась извилистой. Совсем рядом заиграл пионерский горн.

— У кого вода, а у кого бурда, — сказал Матвей Савельич.

Я вышел за калитку.

ЗА КАЛИТКОЙ

За калиткой стоял малыш и плакал. А рядом с ним стояла бабушка. Малыш повторял:

- Я хочу черпалку!
- Нету черпалки, — отвечала бабушка.
- Давай черпалку! — орал малыш.
- Что за черпалка такая? — спросил я.

Малыш посмотрел на меня и сказал:

- Давай черпалку!
- Неужели ты не видишь, Мишенька, что у него нет черпалки? — сказала бабушка.

Он опять посмотрел на меня.

Я показал ему руки — вот, мол, нет у меня черпалки.

Он замолчал. Потом крикнул:

- Давай черпалку!

— Господи, — вздохнула бабушка, — чуть свет вставать зарядил. Возьми я ему раз да скажи: «Куплю я тебе, Мишенька, черпалку, если ты курицу съешь». А что это за черпалка такая, и сама не знаю. Просто так сказала ему, чтоб он курицу съел. Вроде бы в какой-то сказке я ему про эту черпалку читала. Ну, он курицу съел и сейчас же говорит: «Давай теперь черпалку!» А откуда я ее возьму? И что это за оказия такая, и что это за диковина такая, эта самая черпалка... И лодки ему показываю, и дровишки, и шишки, и чего только я ему не показываю, а он знай «черпалку» твердит...

Я говорю:

— Где-то видел я, продавали в магазине игрушечную землечерпалку. Шесть рублей, кажется, стоит. Вот бы такую землечерпалку купить ему за то, что он курицу съел...

Бабушка обрадовалась и говорит:

— Нужно отцу сказать, чтобы он купил ему черпалку, спасибо тебе большое, не знаю даже, как и благодарить...

— Да что вы, — говорю, — пустяки какие, я просто видел эту черпалку, если не ошибаюсь, на Литейном проспекте, в одной витрине какого-то детского магазина; любопытная, думаю, штука была бы для малышей. Я-то сам из этого возраста вышел...

— Непременно отцу скажу, — говорит бабушка, — непременно отцу доложу про это мое спасение... сыну-то он своему не пожалеет, а меня спасет от этого форменного мучения. За-

ходи к нам, мы вон напротив, спасибо тебе, сынок...

Она ушла довольная, а я стал думать, с кем бы мне еще познакомиться. С каким-нибудь мальчишкой бы познакомиться. Вот ведь сейчас с ними познакомился...

Походил по деревне.

Ходил, ходил, зашел домой, позавтракал и опять за калитку вышел.

НА ОЗЕРЕ

Орал малыш. Просил черпалку.

Если он так все время будет черпалку просить, с ума сойти можно. Как они терпят, купили бы ему какую-нибудь черпалку или вовсе бы ему не обещали...

Я спускался к озеру, и малыша уже не было слышно.

Пили воду коровы.

Мне стало скучно. Неужели вот так я и буду ходить каждый день по деревне да вдоль озера, а дальше что? Конечно, я могу купаться, кто-нибудь меня на лодке покатает, и рыбу лови себе, пожалуйста, сколько хочешь, все это так. Но должны же ведь быть у меня какие-то друзья, приятели, не могу же я без них...

Но где их взять?

Не могу же я их вот так, сразу, взять и найти.

Вдруг я этого мальчишку увидел и ужасно обрадовался. Он стоял в камышах, и сначала я

не понял, чего он там стоит, а потом понял: он там рыбу ловит.

Удочка у него была длиннющая, я сначала удочку увидел, а потом его.

Я сел на траву и смотрю. При мне он две рыбы поймал. Никак я сначала не мог понять, куда он их кладет, а потом понял: он их за пазуху кладет!

Он поймал третью рыбу и тоже — за пазуху. Я сейчас же представил себе, сколько у него там за пазухой этих рыб, как они там прыгают и щекотят ему живот.

Вот почему он все время ежился и корчился!

Я сидел и ждал, когда он кончит ловить, выйдет из своих камышей и покажет мне рыб.

Но он все ловил.

Я окликнул его.

Нет, он не слышал меня или он не хотел меня слышать. Он стоял ко мне боком, и я видел его оттопыренную майку с рыбами, его какое-то суровое лицо в веснушках, и опять мне стало скучно.

Он так был занят своей рыбой!

Он, наверное, весь день может так стоять в воде со своей удочкой, не видя ничего, не слыша...

Пробежали ребята с мячом. Они по очереди поддавали его и с удовольствием неслись за мячом что есть мочи. Я бы с ними с удовольствием побежал, да только что они подумают, если я вдруг за ними побегу?

Я встал. Пошел вдоль берега.

А этот! Тоже мне! Рыбак! Я бы никогда не стал за пазуху рыб запихивать. Разве настоящий рыбак за пазуху рыб запихивает? А еще не отвечает!

В ЛЕСУ

Я свернул в лес. Как вдруг из-за дерева выскакивает мальчишка, хватает меня за рукав и кричит:

— Все!

Я сначала немножко испугался, странно все-таки. А потом — ничего, вижу — он дышит тяжело, словно бежал долго.

— Ты чего, — говорю, — до меня дотрагиваешься?

— А кто ты такой, — говорит, — что до тебя дотрагиваться нельзя?

— А ты кто такой?

— Да ты кто, сумасшедший или кто? — это он мне говорит.

— Это ты, — говорю, — сумасшедший, по всему видно, ни с того ни с сего вдруг выскакивает, дотрагивается...

— Ишь ты какой! — говорит. — А как же я с тебя погоны буду срывать? Или у тебя их уже сорвали?

— Какие погоны? — Если и вправду он из какого-нибудь сумасшедшего дома сбежал? Возьмет да укусит, да мало ли что...

А он орет:

— Да ты что, с луны свалился?

— Кто из нас с луны свалился, это еще неизвестно, скорей всего это ты с луны свалился...

Он хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорет:

— Ха! Во фрукт!

Ну, думаю, не иначе, вылитый сумасшедший. Вижу, у него на плечах по листику. Нор-

мальный человек, сами понимаете, ни с того ни с сего не будет себе на плечи листики цеплять... Как бы от него спокойненько уйти...

А он:

— Ты скажи, я тебя запятнал? Не будешь потом говорить, что я тебя не запятнал?

— Чего? — говорю.

Он опять хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорет:

— Ха! Во фрукт!

Я хотел убежать. Я все время от него отодвигался, а он ко мне придвигался. Мне даже страшно стало. Тем более он повторял:

— Не говори потом, что я тебя не запятнал...

Я все думал, как бы сбежать, но тут вдруг выскакивают еще несколько таких же сумасшедших, а этот сумасшедший орет:

— Хватай его, ребята!

Эти новые сумасшедшие остановились, и один говорит:

— Да это не наш, ребята!

Не хватает, думаю, еще вашим быть. Этого еще не доставало! Но в то же время, если они меня не своим признают, мало ли что им в голову придет... Хотели же они меня хватать...

Один говорит:

— В том-то и дело, что не наш. Наш был бы, так незачем было бы его и хватать!

Я перепугался и говорю:

— Я ваш, ребята...

Один из сумасшедших говорит:

— Смотрите, ребята, чтобы не сбежал, вон он как дурака валяет...

Тот первый сумасшедший говорит:

— А если ты наш, так чего же ты тогда сразу не сказал?

— А вы, — говорю, — меня не спрашивали, я и не сказал. Я никогда ничего не говорю, если меня не спрашивают. У меня привычка такая. Когда меня в классе не спрашивают...

Один из них говорит:

— Ты брось нам тут про свой класс рассказывать, ты нам лучше скажи, белый ты или синий?

Другой говорит:

— Да что вы, ребята, не видите, он не из нашего лагеря, у него погон даже нету!

Тут первый сумасшедший говорит:

— Как не из нашего? Ты не из лагеря?

— Из какого лагеря?

— Из пионерского, — говорят, — из какого же еще!

Тут только я догадался, что это игра у них идет и они меня за противника приняли. Они тоже поняли, что недоразумение произошло, и мы стали смеяться.

Мой первый знакомый говорит:

— Я его запятнал, а он огрызается, чего бы это, думаю, он огрызается, нечестно играет... а он, оказывается, вовсе не играет...

— А я-то думал, вы сумасшедшие, — говорю.

Им это не понравилось, они смеяться и перестали.

— Сейчас-то я не думаю, — говорю, — это я сначала подумал.

Опять стали смеяться, рассуждать по этому поводу, какие сумасшедшие бывают и прочее, а мой первый знакомый говорит:

— Ты извини меня, так все получилось, давай-ка познакомимся: меня Санькой звать.

— Давай, — говорю, — познакомимся, меня Лялькой звать...

— Это ты правда или шутишь?

— Имя это, конечно, девчоночье, — говорю, — я знаю, и ты тоже знаешь, да и все знают, только не я же виноват, что родители меня Лялькой зовут...

Они все сочувственно молчали и кивали головами, будто со мной какое несчастье произошло, а я продолжал:

— ...мама моя пошла и назвала меня Русланом, а отец как услышал, стал скандалить, он меня Сашей хотел назвать, в честь своего брата, героя Гражданской войны. Не потерплю, говорит, чтобы моего сына таким именем звали, не хватает еще, чтобы его Рогдаем назвали... Мама ему говорит, что это имя старинное, былинное, так отец совсем разошелся: какие-то допотопные имена, говорит, никакой современности и далеки от революции, в таком случае как звали мы его Лялькой, так и будем звать.

Санька говорит:

— Ерунда, подумаешь! Ничего в этом страшного, я считаю, нет. Хуже, когда вырастешь. К при-

меру, станешь маршалом... Как же тут можно Лялькой называться — ума не приложу...

— Да я, может, маршалом и не буду... — говорю. — А если буду маршалом — Русланом будут звать...

— Да ты не расстраивайся, — говорят ребята, — нервы не трепли из-за этого.

Один говорит:

— Если каждый будет маршалом, тогда у нас одни только маршалы будут по улицам ходить... не так-то это просто...

Но, в общем, они все ко мне очень сочувственно отнеслись.

Только один, с таким длиннющим носом, говорит:

— Здорово он все-таки треплется, этот парнишка, язык у него как мельница, даже родственника своего, героя, успел приплести...

В это время в лесу раздались звуки какой-то дудочки, и все побежали на этот звук, только Санька остался.

— Да ну ее к черту, — говорит, — эту войну, если бы настоящая война была, а то игра...

Мы с ним медленно пошли, и он сказал:

— Давай я тебя Валькой буду звать. Две буквы отбросим. И все. А на место их другие поставим. Совершенно другое имя будет. Какое имеют значение какие-то две буквы!

Я согласился, что две буквы действительно никакого значения не имеют, и даже обрадовался, что так все вышло. У меня с моим именем всегда какие-то насмешки и неприятности по-

лучались. Каждому на свете нужно было рассказывать и объяснять, как это меня девчоночьим именем назвали. Вот вам, пожалуйста, трепачом меня назвали — совершенно ни за что ни про что!.. И как это никто не догадался раньше меня Валькой звать. Отпали бы сразу все эти громадные сложности. Не нужно было бы никому ничего объяснять и рассказывать. Всего ведь только нужно было две первые буквы отнять и две другие приставить... Какая у него все-таки замечательная голова, честное слово!

Конечно, и я бы мог придумать такое, и мои родители, но ни я, ни мои родители ведь этого не придумали!

Мы немного прошли, Санька засмеялся и говорит:

— С этими именами много всякой чепухи происходит. Помню такую историю. Ох, и история! Представь себе, в нашем дворе рыжий Санька, я — Санька и Копылов. Три Саньки. А двор один. Например, я зову Саньку рыжего, а Копылов отзывается. Или меня зовет Санька рыжий, а я думаю, Копылова зовут. Один раз я назвал Саньку рыжего Рыжим. Чтоб он знал, что его зовут, а не другого. Так рыжий Санька обиделся. И Копылова нельзя Копыловым звать. Обижается тоже. Для чего же тогда, говорит, я Санька? Не для того, чтобы меня Копыловым звали. А для того, чтоб меня Санькой звали...

— Ну и чего же вы сделали? — спрашиваю.

— А ничего не сделали, — говорит Санька, — так и жили...

КОЧЕРЫЖКИ

— Мы только недавно прибыли, — рассказывал Санька по дороге, — так что не всех пока знаем, вот я тебя и поймал...

Я был рад, что он меня поймал, как-никак все-таки нашел себе приятеля, а что он сначала напугал меня, так это неважно.

— Вот и хорошо, что поймал, — говорю.

Мы подошли с ним к воротам лагеря, и он меня слегка подтолкнул, чтобы я, значит, не стеснялся, он мне перед этим сказал, что начальник лагеря «на войне» и старшая пионервожатая тоже, так что бояться некого.

Я хотел пройти в ворота, но часовые своими палками, на концах которых были флажки, загородили дорогу.

Санька как закричит на них:

— Да вы что, своего не признали? Зачем вас сюда поставили — непонятно!

Они только руками развели и посторонились.

Вот это Санька! Ловко нашелся, ничего не скажешь!

— Я же тебе говорил, — сказал Санька, — что тут никто еще толком друг друга не знает. Так что ты можешь быть спокоен на этот счет. Денька через два, конечно, дело сложнее будет. А сейчас... — он присвистнул, — шагай за мной!

— И обедать можно, никто не узнает? — спросил я.

— Тут сложнее, — сказал он, — а ты есть, что ли, захотел?

— Да нет. Я просто так.

— Да брось ты стесняться, шагай за мной!

Я все его уверял, что ел недавно, а он меня и слушать не хотел.

Я возле кухни остался, а он прямо в кухню пошел. Выходит вместе с поваром, а в руке у него капустаная кочерыжка.

— Погрызи, — говорит, — чтоб голодным не ходить.

— Да вовсе я не голодный, — говорю.

— Да ты грызи, чего ты ломаешься, — и сует мне эту кочерыжку. Да я ее и вправду не хотел.

— Грызи, грызи, — говорит повар, — а мало будет, за новой кочерыжкой приходи.

Санька радостно говорит:

— У них там кочерыжек видимо-невидимо!

И к повару обращается:

— Новенький, понимаете, только что прибыл, запоздал маленько, а есть хочется ребенку, — и мне моргает, чтобы я молчал.

— Ишь ты, — говорит повар, — может, котлету тебе вынести?

Повар пошел за котлетой, а я ему вслед закричал, что никакой котлеты мне не надо, но он все-таки вынес мне хлеб с котлетой и ушел, потому что у него каша могла подгореть.

— Знакомый? — спросил я.

— А как же! Знакомый! Котлету ведь дал. Ты мне-то дай половину.

Я ему хотел все отдать, а он взял половину, откусил и говорит:

— Вкусная котлета!

Я тоже стал есть, и котлета мне тоже понравилась.

Он себе полный рот котлетой набил и говорит:

— Не наешься... пойдём... ещё котлету попросим... нас двое, скажем, а котлету нам одну дали... Знаешь, я какую поговорку придумал? Тот, кто много ест, никогда не пойдёт на тот свет.

— Да ну тебя, не надо мне никаких котлет!

— Как это так не надо? Два человека одну котлету едят — это же форменное безобразие!

Я и оглянуться не успел, как он ещё одну котлету притащил. Я никак не хотел у него половину брать, так он мне её насильно всучил и все свою поговорку повторял.

— А за кочерыжками ты можешь всегда приходить, — сказал Санька, дожевывая котлету.

— Не надо мне кочерыжек, — сказал я. — Терпеть я не могу эти кочерыжки!

— Ну, не надо так не надо, — сказал Санька. Он вздохнул. — Я, понимаешь, никогда не знаю, когда я наелся, все ем, ем, пока живот, как мяч, не надуется.

Вышел повар с ведром кочерыжек.

— Может, вы стесняетесь, ребята, так вы, ребята, пожалуйста, не стесняйтесь, берите-ка, берите кочерыжки!

Я назад отступил и говорю:

— Нет, нет, мы не стесняемся...

— Вы там ребят созовите, пусть они за кочерыжками приходят, — сказал он.

— Война окончится, — сказал Санька, — они и заберут.

— Скорей бы она окончилась, — сказал повар, — а то кочерыжки тут зря пропадают.

Он ушел со своими кочерыжками, а мы пошли по лагерю. Саньке как хозяину хотелось мне весь лагерь показать.

— Если тебе кочерыжки нужны будут, так ты всегда можешь за ними приходить, — сказал Санька.

— Не очень-то я люблю их, — сказал я.

— А я их люблю, — сказал Санька.

— Чего же ты у него все ведро не съел?

— Как же я столько съем?

— Зато никогда на тот свет не пошел бы, — сказал я.

— Я и так не пойду, — сказал он.

В ЛАГЕРЕ

Мы шли по лагерю, а Санька говорил:

— Как с людьми беседовать — я знаю. У меня на это есть талант, мне все говорят, что у меня есть талант с людьми беседовать. А у тебя этого таланта, по всей видимости, нет, так ты лучше помолчи, когда я с людьми беседую.

С людьми он действительно здорово беседовал.

— ...Лагерь у нас хороший, зря ты все-таки частным образом живешь...

— Это все родители придумали, — сказал я.

— А ты что, слова не имеешь? Взял бы и сказал: мол, так и так, пошлите, мол, меня в пионерский лагерь, не желаю, мол, я частным об-

разом жить, а хочу с коллективом... Они бы тебя с удовольствием послали, ты-то им, наверное, надоел со своими штучками.

— Какими штучками?

— Откуда я знаю какими? Каждый ребенок разные штучки вытворяет, ты что, скажешь, ничего не вытворяешь?

Я не знал, что ему на это ответить, потому что я действительно кое-что вытворял.

— И родителям хорошо, и тебе хорошо.

— Если так хорошо, чего же тогда они меня не отправили?

— Да ты сам не видишь что хорошо?

— Вижу.

— Голову надо иметь.

— Что же, мои родители головы не имеют?

— Да ты родителей не трогай! — сказал он. — Чего это ты своих родителей трогаешь? Это ведь твои родители!

— Это ты трогаешь, а не я!

Он подпрыгнул, хлопнул в ладоши и заорал:

— Ха! Вот фрукт!

— Чего это ты так со мной разговариваешь?

— Это ты так со мной разговариваешь, это ты не умеешь с людьми разговаривать!

Я вспомнил, как он здорово с людьми разговаривал, и мне показалось, что это я во всем виноват.

— Да брось ты, Валька, — сказал он, — имя у тебя теперь новое, нервы тебе трепать теперь нечего, и спорить со мной на эту тему тоже нечего, раз у меня на это самый настоящий талант...

— Ты просто моего отца не знаешь, — сказал я, — у него замечательная голова.

— А у меня нет отца, — сказал вдруг Санька.

— А мать?

— Тоже нет.

— С кем же ты тогда живешь?

— Я с тетей живу, — сказал он.

Мне как-то стало неловко, что я весь этот разговор об отце и матери затеял, тем более он мою голову, наверное, в виду имел, а не отцовскую.

Мы зашли в пионерскую комнату, и Санька показал мне дневник отряда, где он написал:

«С десятого числа началась наша замечательная жизнь в лагере. Мы долго ждали, когда начнется эта замечательная жизнь, и вот нас привезли в автобусах, и она началась. Ура! Наступил этот день!..»

— Да хватит тебе читать, — сказал Санька, — пойдем, лучше я тебе другое покажу...

Он водил меня и все показывал.

В кружке «Умелые руки» стояли яхты, шверботы, игрушки, сделанные ребятами. Разные вышивки, сделанные девчонками, разные полочки, выпиленные лобзиком. Там было много замечательных рисунков. И был круглый шарик, сделанный из дерева. Санька сказал, что этот шарик выточили из громадного куска дерева, и именно этим он интересен. Трудней всего, наверно, было сделать этот шарик. Такой гладкий, круглый, только вот никто не знает, что он из такого громадного куска дерева. Если бы Санька мне не сказал, я

бы и не знал об этом. Какую-нибудь дощечку рядом с шариком прибили бы, а на дощечке написали, что этот шарик выточен из громадного куска дерева...

Там были: стамески, лобзики, сверла, клещи, пилки — все эти инструменты были прикреплены к большим щитам, а под каждым инструментом табличка с названием. У меня прямо глаза разбежались, глядя на эти инструменты.

Было там еще много разных диковинных вещей, даже куклы для кукольного театра. Этих кукол, оказалось, тоже сделали сами ребята.

— Чего это меня в лагерь не послали — понять не могу! — сказал я.

И сразу испугался, что он опять про мою голову начнет распространяться, что во всем голова виновата, и говорю:

— Я не знал, а они не послали...

— А где твоя голова была? — говорит Санька.

— Нигде, — говорю, — не была, какое твое дело!

Он засмеялся и больше про мою голову не стал распространяться.

Мы с ним пошли в клуб. Он влез на сцену и крикнул:

— Представление начинается! — И начал так кривляться, прыгать и строить такие рожи, что я даже захлопал. Он поднял много пыли, но все продолжал плясать и строить рожи, пока не устал, а потом спрыгнул вниз и сказал:

— Наверное, я все-таки артистом буду...

Мы вышли на воздух.

В лагерь входили «войска». Бил барабан. А впереди несли знамя.

Кто-то крикнул:

— Глядите! Хе-хе! Болтун-то в нашем лагере объявился!

И я увидел длинноносого. Который там, в лесу, сказал, что язык мой как мельница треплется...

Все разбежались по лагерю, а этот мальчишка ко мне подбежал.

— Болтун, — говорит, — опять здесь!

Не долго думая, схватил я его за рубашку, и он меня за рубашку схватил. И мы вместе покатались по траве.

Санька кинулся нас разнимать, но мы крепко друг другу в рубашки вцепились. Кое-как нас разняли.

И вот мы стоим друг перед другом в своих разорванных рубашках, а вокруг нас почти весь лагерь стоит.

Какая-то девушка говорит:

— Чей это ребенок?

Все молчат.

Выясняется, что я тут совершенно ничей, и тогда она кричит:

— Как мог попасть сюда этот мальчик?

Все опять молчат, и тогда она уже тише говорит:

— Каким образом этот ребенок здесь?

Выходит вперед мой друг Санька, имеющий талант разговаривать с людьми, и говорит:

— Товарищ старшая пионервожатая! Это Валька. Это я привел его в наш лагерь. Что ж здесь такого?

— Как что такого? — возмущается вожатая. — По-твоему, здесь нет ничего такого? Пришел с улицы и еще дерется?!

Санька (здорово он все-таки умеет разговаривать с людьми) спокойно ей отвечает:

— По-моему, ничего такого в этом нет. Тем более его дразнили.

— А может быть, у него инфекция? — говорит вожатая.

— Нет у него инфекции, — говорит Санька.

— Откуда ты можешь знать, есть у него инфекция или нет?

— Я вижу, — говорит Санька.

— Ты ничего не видишь, — говорит вожатая, — у любого постороннего может быть инфекция!

Тогда я сказал:

— У меня нет никакой инфекции!

— Это еще неизвестно!

— А ты, — сказала вожатая Саньке, — всего лишь только отдыхающий пионер, а ведешь себя так, как будто ты начальник лагеря.

И тут Санька, так здорово умеющий разговаривать с людьми, вдруг заплакал.

Появился начальник лагеря. Он посмотрел на мой вид, взял меня за руку и, ни слова не говоря, только хмурясь, вывел меня за ворота.

— Не пускайте сюда посторонних! — сказал он часовым.

НА БРЕВНАХ

Матвей Савельич увидел, что у меня такое неважное настроение, предложил мне на бревна сесть. И сам тоже сел на бревна, закурил и говорит:

— Место у нас хорошее... природа... воздух... озеро под боком...

— У вас в лагерь никого не пускают, что ли? — спрашиваю.

— Кого пускают, а кого нет, — говорит.

— Никого не пускают, — сказал я.

Он, видимо, плохо слышал, часто переспрашивал. А тут он совсем не услышал.

— Лодка у меня была, — говорит, — так я ее продал... Все думаю новую лодку сделать, да время никак не найду для этой лодки...

— Чего ж у вас лодки-то нет? У всех лодки есть, а у вас нет...

Я думал, у него лодка есть, думал, он меня на лодке покатает, рыбу, думал, половим, а у него нет...

— Так была же лодка, однажды ее ребяташки у меня украли, так я ее по всему озеру искал...

— И нашли?

— Нашел, да ну ее к лешему...

— Значит, вы рыбу теперь не ловите?

— Да ну ее к лешему...

— А раньше ловили?

— Раньше ловил.

— А теперь почему не ловите?

- А на кой леший рыба нужна, кто ее чистить-то будет, коли хозяйки нет?
- Почему нет?
- Не женат.
- Почему?
- А войны?
- Чего войны?
- Чудак! Все ж войны: первая немецкая, столыпинская, так? Революционная — два? А после финская, а после Отечественная...
- На войне убили?
- Кого?
- Жену.
- Фу-ты! Как же ее убить-то могли, коли ее сроду не было. Поскольку войны были.
- А перерывы-то были?
- Перерывы-то? Ну, были. А можно сказать, и не было. Не перерывы это, скажу я тебе, чтобы человек спокойно обстоятельно жениться мог. Это, может, по книжкам там вашим были перерывы. А на самом-то деле не было.
- А как же другие женились?
- Кто другие?
- Отец мой, например, соседи...
- Соседи-то? А бог их знает...
- Да и не только они, — сказал я.
- Да много больно ты знаешь! — сказал он.
- Как же мне не знать! — сказал я.
- Умные все больно стали...
- Он замолчал, все курил.
- Наверх мне не хотелось подниматься. Есть тоже не хотелось. Я сидел.

— ...начал я себе помещение строить. Лес-то надо рубить? А рядом-то рубить не разрешалось. Сам рубил. Сам возил. А пни ломом корчевал... А потом, значит, ягоды: крыжовник, сморода, а теперь, значит, яблоки собираю... смороду собираю... крыжовник собираю...

— А вас в лагерь не пускают? — спросил я.

— ...если участок в культуру привести, в божеский вид привести, можно тебе все что угодно посадить, ведь так?

— Отчего же вы в то время не женились?

— Когда?

— Войны-то ведь не было.

— А участок-то надо было в божеский вид приводить? А был лес. Ничего и не было. А лес-то, он шишки одни дает. Вот теперь сколько я крыжовника снимаю? А? Много снимаю! А смороды сколько снимаю? Много! И яблоки, сам понимаешь, с каждого дерева снимаю... Мамаша-то твоя небось собирается у меня яблочек купить?

— А чего же вы сейчас не женитесь?

Он не слышал меня.

— ...некоторые сами не садят, придет в сад колхозный, сучья обломает, аж до ульев доберется, это ж куда годится! Это кража, это хулиганство... это баловство! Почему каждому сад не посадить? Можно. А сучья ломать? Нет. Хулиганство! Дяденька посадил, а он знай — ломай, бей! В культуру ведь надо приводить хозяйство свое! А он — нет, не надо. Нет, надо! Все надо! — Он хлопнул кулаком по бревнам.

Я сказал ему про пионерский лагерь, почему все-таки так строго, туда никого не пускают, и насчет инфекции сказал, как меня вожатая обидела.

Он все головой кивал, да только про свое думал, потому что опять свое стал говорить:

— Я тебе вот что открою... я бы, конечно, сейчас, может быть, и женился, да только помирать мне уже пора.

— Да что вы, — говорю, — что вы!

— Сколько мне лет-то, знаешь? — спросил он.

— Не знаю, — сказал я.

— Больно все умные стали, — сказал он, встал, пошел в сад проверять свои яблоки.

Ни лодки у него нет, ни жены... одни только яблоки да ягоды. Скучно ему, наверно, одному в таком большом саду... А у Саньки отца нет и матери...

Вот бы сейчас пробраться в лагерь, Саньку встретить — вот он обрадуется! Смелый все-таки поступок будет: человека выгнали, а он незаметно пробрался, как разведчик, своего друга навестил. А дальше что будет? Поймают меня, и больше ничего! Скандал будет — вот и все... Опять, скажут, этот инфекционный пришел. Какое они все-таки имеют право мне такие вещи говорить?! Вот сейчас возьму и пойду...

Но я никуда не пошел.

О КОРОВАХ

В этот день я возле лагеря даже не появлялся.

Оскорбили человека, так нечего туда и ходить! После обеда опять к озеру пошел. Смотрю, тот же мальчишка в камышах стоит как ни в чем не бывало. Неужели с тех пор стоит?

Он сворачивал удочку, собирался уходить.

Когда он повернулся, я увидел, сколько у него за пазухой рыбы набито. Как будто огромный такой живот, он еле-еле шел. Одной рукой он майку возле трусов поддерживал, а в другой руке у него удочки были.

Когда он на берег вышел, тут он и споткнулся. Вся рыба у него из майки выскочила и на траве прыгает. Я сразу бросился эту рыбу ловить.

Собрали рыбу, он майку снял, и мы всю рыбу в эту майку положили, как в мешок.

Я его спросил: неужели он так все время стоял, никуда не уходил?

— Так и стоял, — сказал он.

— И обедать не ходил?

— Чего же я без рыбы обедать пойду?

— Неужели нельзя без рыбы обедать идти? — удивился я.

— Разве же это рыбак, который обедать ходит, а рыбу не приносит? Это ж ушехлоп получается!

— Кто получается?

— Ушехлоп — сказано тебе? Ушами знай хлопает, а рыба от него топают.

— Где это ты такое слово только выкопал? — говорю.

— А чего его копать, если тот человек, который ушами хлопает, ушехлопом и называется. Как же его еще назовешь?

— Хлопоухом, — говорю, — еще можно назвать. Ухохлопом можно...

— Да ты что, мне учитель, что ли, какой? Чего это ты меня учишь?

Очень уж он серьезный человек был, я таких серьезных еще не видел.

— Поймал ты много! — сказал я.

— То все коровы.

— Чего коровы?

— Коровы их шугают.

— Кого шугают?

— Рыб.

— Как?

— Вон в плесе пасутся...

— Ну?

— И рыбу ко мне шугают. Куда коровы идут, туда и я иду. Они, значит, ходят и рыбу ко мне гонят. Ты только знай удочку закидывай да вытягивать успевай. Своим собственным соображением до этого дошел! — Он потрянул мешок. — Ишь, сколько нашугали!

— Здорово нашугали, — сказал я, пораженный.

— Вот так-то!

Неужели коровы ему столько рыбы нашугали?

Кто бы мог подумать?

НАХИМОВЦЫ

На другой день я сразу как встал, к лагерному забору отправился. Ждал, когда у них завтрак кончится, возле забора прогуливался. Никто не имеет права мне запретить возле забора прогуливаться! Я руки за спину заложил и так ходил, поглядывал на лагерную территорию. Спрашиваю часовых про Саньку. А они фамилию спрашивают.

Один говорит:

— Меня тоже Санькой зовут. (Врет, наверное!)

А другой говорит:

— Ты подальше отойди, нечего возле ворот торчать...

Перешел я на ту сторону, сел на травку и сижу. И на часовых уничтожающим взглядом смотрю. Мог бы и не отойти, стоял бы себе, и все! Да я отошел, чтобы разных там неприятностей не было.

А прямо ко мне идет из ворот Санька, а под мышкой у него футбольный мяч. Молодец он все-таки, меня увидел!

— Ты чего здесь стоишь? — говорит. — Проходи в лагерь, очень хорошо, что ты пришел! Как раз к футбольному матчу с нахимовцами поспел!

— Да ты что! — говорю. — Как же я туда пойду, если меня вчера выгнали!

— Так это вчера, а не сегодня, тем более к нам сегодня нахимовцы с того берега приезжают. Если тебя спросят, скажи, что ты нахимовец, и все!

Санька подкинул вверх мяч, поймал его и говорит:

— Напрасно ты думаешь, что все только о тебе и думают. Ох, и покажем мы этим нахимовцам!

Я решил почему-то, что с нахимовцами драка предстоит, не хватает еще, чтобы меня как нахимовца избили!

— Нет, нет, я туда не пойду...

Санька очень спешил, ему нужно было нахимовцев встретить, и он меня к воротам потащил, а я упирался. А на часовых он даже внимания не обращал, как будто бы их нет.

Он меня к самым воротам притащил, а часовые зачем-то в сторону отошли, непонятные какие-то часовые! Или они его боялись, но они от ворот совсем отошли.

Раз так, я в ворота вошел, тем более они меня раньше не пускали. Как только мы на лагерной территории очутились, Санька сразу убежал, а мне крикнул, чтобы я на стадион отправлялся.

МАТЧ

Со мной рядом сели девчонки. Они все время на меня смотрели и смеялись. Девчонки ведь часто смеются просто так.

Они смеялись, смеялись, а потом одна девчонка спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, вы не из нашего лагеря?

Я вздрогнул и говорю:

— Я нахимовец.

Она говорит:

— Ой! Я же чувствую, что вы не из нашего лагеря! А вы, наверное, отдельно приехали? — спрашивает.

— Совершенно отдельно, — говорю.

— А форма у вас какая? — спрашивает.

— Форма, — говорю, — у нас футбольная.

— А почему у вас форма не морская...

— А мне в ней жарко!

— Правильно! И я так думала!

— А вы можете это озеро в длину переплыть?

— А у вас есть подводные лодки?

— А ленточки от бескозырки во рту держат, когда ветер?

— А если ураган, можно ленточки во рту удержать?

— А бывает так, что ныряют, а потом не выныривают?

— А когда торпеду пускают, барабанные перепонки не лопаются?

— А когда качка, можно устоять, чтобы ни за что не держаться?

Скорей бы футбол начался.

Я им отвечал, отвечал, а потом чувствую — больше уже не могу отвечать! Спросят меня что-нибудь, а я им говорю:

— Это военная тайна.

Тем более я себя чувствовал все время напряженно на лагерной территории. Я им несколько раз ответил, что это военная тайна, и они от меня отстали.

Тут как раз выбежали на поле футболисты, а впереди своей команды бежал Санька-капитан.

Зрители стали свистеть и хлопать, а девчонки шептались.

И вот начался этот знаменитый матч, который потом сам Санька описал в дневнике своего отряда:

«На совете дружины мы решили пригласить к себе на товарищескую встречу по футболу нахимовцев. Учитывая то, что они находятся как раз напротив, на другой стороне озера, и как бы являются нашими соседями. Итак, мы их пригласили и с нетерпением ждали их. Вот вдаль показалась одна лодка, вторая и третья. И скоро эти лодки вместе с нахимовцами причалили к берегам нашего лагеря. И вот нахимовцы взошли на мостки и пошли в лагерь. И вот обе команды выходят на поле. Проходит несколько минут, и вратарь нашей команды вынимает из ворот первый мяч. Но это была случайность. Разыграв мяч, наша команда переходит в наступление, но нахимовцы перехватывают мяч и забивают гол. Мы опять переходим в наступление, но нахимовцы опять забивают нам гол. Когда мы в третий раз перешли в наступление, они каким-то образом забили нам третий мяч. Четвертый гол был забит, когда мы собирались в четвертый раз перейти в наступление. Как только мы собрались в пятый раз перейти в наступление, свисток судьи

напомнил нам о том, что первый тайм окончен. Начался второй тайм. Мы переменили тактику. Мы все ушли в оборону, и нам сразу же забили мяч. Когда мы собрались опять переменивать тактику, нам забили уже двенадцать мячей. Мы ни одного не забили, хотя вовсю старались. Наш вратарь дрался как лев, но он ничего не мог сделать. Он метался во все стороны и рисковал, но мячи поймать не мог. Несмотря на это, он проявил себя отважно. От имени совета дружины мы объявили ему благодарность, хотя начальник лагеря и старшая пионервожатая считали, что этого делать было не нужно, раз он пропустил двенадцать мячей. Но он ведь старался! Потом мы повели нахимовцев на обед, и они остались довольны. После ужина были танцы. Но вот танцы кончаются, нахимовцы садятся в лодки. «До свидания!» — кричат пионеры нашего лагеря. На прощание мы пели песню «Бескозырка» до тех пор, пока они не скрылись из глаз. Только нам было обидно, что нам забили столько мячей. Мы этого ни в коем случае не ожидали. Мы ожидали, что будет наоборот. Но вышло наоборот. Надо сказать, игра была очень живая, но в другой раз мы будем лучше защищать свои ворота. Хотя вратарь тут ни при чем.

*Капитан футбольной команды
пионерлагеря «Синее озеро»
Саня Буртиков»*

ВМЕСТО МАТЧА

Все это Саня мне потом прочел, а футбола этого я так и не увидел. Как только начался матч, подходит вдруг ко мне длинноносый и, представьте себе, просит меня подвинуться. Я подвинулся, и он сел рядом. Он на девчонок смотрел и поэтому на меня никакого внимания не обратил. Вдруг слышу, девчонка ему на ухо говорит:

— С нами рядом нахимовец сидит.

Он сразу узнал меня и сразу меня за рубашку схватил. Мне ничего и делать не оставалось, как тоже его за рубашку схватить. Девчонки завизжали, чуть даже футбол не прекратился.

Меня сразу вывели. А на прощание сказали, что если я еще раз на лагерной территории окажусь, они будут вынуждены за помощью в милицию обратиться.

У забора как раз бабушка с малышом стояла. Бабушка футбол смотрела, а малыш к ней с черпалкой приставал.

Схватил он меня за штанину:

— Давай черпалку! — кричит.

— Заберите, — говорю, — пожалуйста, своего ребенка, он меня за ногу тянет!

До сих пор не могут ему черпалку купить!

Малыш так мне в штанину вцепился, что его не оторвать. Один за рубашку меня хватает, другой за штанину...

— Давай черпалку! — орет, и все.

Нагнулся, поднял я с земли палку и говорю:

— Вот тебе черпалка!

А он говорит:

— Это палка!

Я на его глазах копнул этой палкой землю и говорю:

— Это, конечно, палка, да не простая. Поэтому она не просто палка, а ЧЕРпалка. Раз она землю копает, — и еще раз как следует копнул, чтобы он убедился.

Малыш эту палку схватил, растерянно на меня посмотрел и улыбнулся.

ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ!

«Если ты еще раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться за помощью в милицию».

Вот так мне и сказали.

А Санька сказал:

— Приходи-ка завтра на художественную самодеятельность. За что это тебя в милицию будут отправлять? За то, что ты художественную самодеятельность пришел посмотреть? Да где это видано, чтобы за это в милицию забирали?

Мне очень хотелось художественную самодеятельность посмотреть. Тем более Санька будет плясать, петь и читать какое-то стихотворение. А если останется время, он еще будет показывать очень редкий фокус с носовыми платками. А если ему после всего этого зрители будут как следует аплодировать, он им прочтет две новые сказ-

ки писателей Козлова и Сергуненкова. Если же и после этого зрители не будут расходиться, а будут вызывать его на бис, он продемонстрирует небольшой акробатический этюд, где самым сложным является стойка на голове, не держась за пол руками.

Мне все больше и больше хотелось посмотреть художественную самодеятельность, и все более странным казалось мне, как это смеют меня не пускать в лагерь и даже выгонять, когда на плечах моего друга, можно сказать, лежит вся тяжесть художественной самодеятельности.

— Единственное, чего я не люблю, — сказал Санька, — это «спасительный монтаж». В этом деле я никогда не участвую — отказываюсь наотрез!

— А что это такое? — спросил я.

— Ты что, Барто не читал? Об этом у Барто очень хорошо сказано: «Спасительная вещь». Ну, это когда все выстраиваются и первый говорит: «Нам песня строить и жить помогает». А второй говорит: «Она нас в бой и зовет и ведет». А третий говорит: «И тот, кто с песней по жизни шагает...» А четвертый говорит: «Тот никогда и нигде не пропадет!» Потом пятый, шестой и так далее, пока всю песню не прочтут. Это когда выступать некому. Но раз я есть...

— А я? — спросил я.

— Что ты?

— Как же я?

— Во фрукт! Да кто же тебя в воскресенье не пустит в лагерь, когда в воскресенье всех роди-

телей пускают! Ходи себе по лагерю, гуляй, в песке сиди, под деревьями сиди, художественную самодеятельность смотри. И что это тебе в голову пришло, что в наш пионерский лагерь ходить нельзя? Кто это тебе мог сказать такое, прямо смешно! Да приходи ты в лагерь, приходи!

Он ушел на ужин, а я рассуждал про себя о том, что никто не имеет права в воскресенье не пускать меня в лагерь в родительский день. Потому что я, может быть, чей-то брат или дядя, может быть, я вместе с родителями пришел к своему брату или к сестре, и никто не может меня выгнать в такой день!

Не имеют права!

КОНЦЕРТ

«Если ты еще раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться в милицию...»

Эти слова у меня все-таки вертелись в голове, когда я с многочисленными родителями вошел в лагерь и стал ходить по лагерной территории.

Длинноносый теперь не будет меня за рубашку хватать. Санька его как следует предупредил, что если он меня будет хватать за рубашку, то Санька от его рубашки ничего не оставит.

На художественную самодеятельность все родители пришли. Народу было! Тьма!

Открылся занавес, и на сцене стоял Санька.

— Дорогие товарищи! Дорогие родители и ребята! Позвольте мне от лица... позвольте мне начать самодеятельность в своем лице... — сказал Санька и запел:

Хотят ли русские войны,
Спросите вы у тишины...

Он из всех сил старался, и лицо у него было совершенно красное.

...Спросите у жены моей!.. —

орал он. Когда он кончил, все захлопали, и Санька радостно спросил:

— Еще выступить?

— Еще! — закричали зрители. — Давай!

— Сейчас, сейчас! — Он поднял кверху голову, а руку выставил вперед. Видно было, что любит он выступать.

— «Я памятник себе воздвиг нерукотворный!» — заорал он.

На сцену выбежал вожатый, взял Саню за руку и увел. Вожатый сейчас же вернулся и сказал:

— Дорогие гости, наш конференсье несколько превысил свои полномочия, вместо того, чтобы объявить номер «Танец матрешек» в исполнении сестер Трендафиловых, он спел песню...

Но тут зрители закричали, засмеялись, не дали вожатому говорить, требуя на сцену Саньку.

— Пусть прочтет! — кричали зрители.

Вожатый ушел, и опять вышел Санька.

— «Я памятник себе воздвиг нерукотворный! — заорал он сразу. — К нему не зарастет народная тропа!..»

Он прочел все стихотворение с вытаращенными глазами, и все остались довольны. Все просили еще что-нибудь исполнить, а когда появился вожатый, некоторые зрители даже засвистели. Они ни за что не хотели Саньку отпускать, и он рассказал сказку писателя Козлова в своем изложении. Опять все захлопали и не хотели его отпускать. Но тут опять на сцене появился вожатый и, не обращая внимания на недовольство зрителей, все-таки Саньку увел.

На сцену выбежали девчонки в костюмах матрешек.

Сзади шмыгали носом. Я обернулся и увидел того самого мальчишку-рыболова. Он меня тоже узнал и к губам палец приложил, чтоб тише. А рыбой от него пахло — жуть! Он ведь ее все время за пазуху пихал. Может, и сейчас у него там кой-какая рыба есть... Матрешки подняли клубы пыли, но, несмотря на это, еще сильнее застучали ногами, как будто хотели всю пыль выбить окончательно.

После номера матрешек зрители опять стали вызывать Саньку, а матрешки думали, их вызывают, радостные, выбежали на сцену и еще раз сплясали. Третий раз они уже не стали плясать, наверное, поняли, что это не им аплодируют. Видно было из-за занавеса в глубине сцены, как вожатый упрашивает Саньку, а

он ломается. Наверно, обиделся, что ему в начале не дали выступить. Но в конце концов Санька вышел, оглядел всех, подмигнул кому-то (наверное, мне) и крикнул:

— Концерт пляски!

И стал плясать так, что первые ряды встали со своих мест и отошли в стороны к стенам, — он поднял столько пыли, что даже двадцать сестер Трендафиловых не смогли бы этого сделать. Некоторые стали чихать и кашлять. Способный все-таки Санька человек, ничего не скажешь! Кончив плясать, он сразу, даже не отдышавшись, запел новую песню. Он, видимо, боялся, что ему не дадут еще раз спеть. Песня была о том, как любимая провожала на войну солдата, и когда доходило до слов «руку жала, провожала...» — Санька подбегал к самому краю сцены, даже казалось, он может свалиться вниз, и протягивал зрителям обе руки в крепком пожатии. В этом месте некоторые почему-то смеялись, но Санька на таких людей никакого внимания не обращал (не такой он был человек!) и спел до конца всю песню.

Когда он кончил, раздался прямо гром аплодисментов. Санька подождал, когда все успокоятся, и сказал:

— А сейчас я вам прочту стихи собственного сочинения, которые называются «Да здравствует лето».

Да здравствует лето.
Да скроется тьма!

Да здравствует это,
Но не зима!
Нет, лучше я буду купаться,
Чем с горки на лыжах кататься!
В траве лучше буду валяться,
Чем на морозе болтаться!
Послушайте, люди, меня,
Послушайте лучше поэта,
Своими стихами звеня,
Я славлю не зиму, а лето!
Но если попросят меня
Прославить не лето, а зиму,
То я, ничего не тая,
Своими стихами звеня...

В этом месте Санька остановился и сказал:

— Тут у меня как бы обрывается...

Все засмеялись, захлопали, а Санька сказал:

— Я вам могу прочесть другое свое стихотворение, если вы не устали...

Зрители опять захлопали, давая этим понять, что они нисколько не устали, и Санька сказал:

— Тогда, пожалуйста! Только названия у меня пока нету, и я буду без названия, если можно...

— Можно! Можно! Мы не устали! — закричали зрители.

— Тогда я начну:

Метет метель за окном,
Мать веником пол метет...
А я сижу за столом,
Пишу, что на ум придет...

Санька вдруг тяжело вздохнул и сказал:

— В этом месте у меня тоже обрывается...

К нему шел вожатый.

А Санька вытащил из кармана два платка и стал ими махать в воздухе.

Я сразу понял, что он собирается фокус показать, но другие, наверное, не поняли и продолжали хлопать. Вожатый подскочил к Саньке и стал ему что-то на ухо говорить. А Санька махал платками и не хотел слушать. Но вожатый был не из тех, кого Санька мог убедить своими фокусами.

В конце концов он спрятал свои платки в карман и совершенно жутким, печальным голосом объявил следующий номер. После этого ушел со сцены, вызываяще покачиваясь.

Больше Санька со своими номерами не выступал, только выходил объявлять другие номера. Как только он появлялся, зрители оживлялись, смеялись и хлопали. Они его очень тепло, с большой радостью встречали.

После окончания зрители только и говорили о Саньке, какой он замечательный парнишка, забавный парнишка, симпатичный парнишка, удивительный парнишка, редчайший парнишка и еще какой-то там парнишка. Хотя я такие стихи тоже мог бы сочинить, и спеть мог бы (и не хуже), и Пушкина мог бы прочесть даже лучше, и сказку писателя Козлова я тоже читал и мог бы ее пересказать. Я все это мог сделать не хуже, но я этого не сделал, а он взял да и сделал, вот и получается, что самое главное — сде-

лать, а не подумать. Если ты ничего не сделал, никому не показал, то никто и знать не будет, что ты мог. Я твердо решил на каком-нибудь вечере в школе выступить с разными номерами, мне тоже захотелось стать замечательным, забавным, удивительным, редчайшим, симпатичным парнишкой... Только вот смогу ли я сплясать? Вот это неизвестно... но если потренироваться как следует перед зеркалом, то непременно смогу, а если не смогу, заменю пляску художественным свистом — слух у меня неплохой и свистеть умею...

Зрители долго хлопали, не уходили, а рыбаки сзади мне в ухо носом шмыгали.

Мы с ним вместе вышли.

— Пошли Саньку искать, — сказал я.

— Мне рыбу надо ловить, — сказал он.

— Ты уже простудился, — сказал я.

Он шмыгнул носом.

— А ты откуда знаешь?

Я шмыгнул носом, как он.

— Теперь-то я в лодке ловлю, — сказал он.

Он все хотел уйти от меня, быстро шел, а я вижу такое дело, лодка у человека есть, ни на шаг не отстаю.

Потом он побежал, а я за ним, тем более мне показалось, начальник лагеря в нашу сторону направлялся...

В ЛОДКЕ

Он остановился на дороге:

— Ну, чего ты бежишь за мной?

Мы с ним запыхались, стоим, друг на друга смотрим и дышим тяжело.

— Слушай, долго ты так за мной бежать будешь? Я молчу.

— Если ты так за мной бежать будешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Он повернулся и пошел. А я за ним. На таком расстоянии, чтобы он мне ничего не сделал. Он опять остановился.

— Послушай, — кричит, — у меня там удочки спрятаны, не желаю я, чтобы все знали, где у меня удочки спрятаны.

— Я на твои удочки смотреть не буду, ты меня только в лодку возьми, зачем мне твои удочки!

— А ты отвернись, раз тебе мои удочки не нужны!

— А ты в лодке меня покатаешь? — спрашиваю.

— Да черт с тобой, садись в лодку, только не гляди, куда я удочки прячу!

Я отвернулся, он свои удочки достал и говорит:

— Смотри, чтобы в лодке шум не производить!

Я ему обещал, что шум производить не буду, и мы в лодку влезли.

Как только немного отъехали, я говорю:

— А что, если на тот берег к нахимовцам катануть? Посмотрим, как там нахимовцы живут, и обратно.

— Больше мне делать нечего, как к нахимовцам ехать, чего я там не видел! Ты сиди да шум не производи!

— А что, если, — говорю, — я за лодку уцеплюсь и буду плыть, а ты меня будешь везти?

— Да ты что, — говорит, — шутишь, что ли? Как же я тогда буду рыбу ловить? Ты лучше гляди, нет ли коров поблизости, они нам рыбу напугают...

Коров не было видно, и я сказал:

— Неплохо все-таки к нахимовцам катануть...

В это время он якорь бросил и мне не ответил. Я все смотрел на тот берег, а он удочку разматывал.

Он удочку забросил, а я хотел воду рукой зачерпнуть и чуть лодку не перевернул.

— Не производи шум! — заорал он.

Я встал, чтобы шум не производить, а лодка так закачалась, что я чуть в воду не свалился.

— Ну-ка сядь! — заорал он. — Ну-ка сядь! Вот чурбан! Не смей мне шум производить!

Он стал вытаскивать якорь и все повторял, что в этом месте теперь нет смысла рыбу ловить, она вся ушла.

Мы уплыли в другое место, а я все думал, как бы на тот берег к нахимовцам попасть.

Он снова бросил якорь.

Я старался шум не производить и сидел не двигаясь.

Но рыба не ловилась.

— Чего же это такое, — сказал я, — никакого шума нет, и рыбы нет...

Он во все глаза на свой поплавок глазел, а мне надоело на него глазеть, раз ничего с ним не случается.

— Никакой тут рыбы нету, — сказал я, — все ясно.

Он глаз с полавка не спускал и молчал.

— Да где же рыба! — говорю. — Нету никакой рыбы!

Он на меня посмотрел и спрашивает:

— А?

— Хорошо бы на тот берег, — говорю, — поехать, раз рыбы нет.

В это время его поплавок под воду ушел, а он как раз со мной разговаривал. Он дернул, да поздно. Всего червяка рыба съела и ушла.

Он как закричит:

— Если ты мне еще про тот берег скажешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Насадил он нового червяка, забросил и сидит, опять на свой поплавок смотрит. Только он в другую сторону забросил, и мне не видно стало полавка, и я осторожно пополз, чтобы поплавок увидеть. И тут я рукой банку с червями задел, и она в воду бултыхнулась. Я не знал, что это за банка такая, и ползу себе дальше как ни в чем не бывало.

Он ко мне спиной сидел. Повернулся и как заорет:

— Что ты наделал!

А я сразу не понял, что это банка с червями, и говорю:

— Какая-то коробочка упала...

— Немедленно, — кричит, — убирайся от меня! Уходи сейчас же! Тут же уходи! Сматывайся сию минуту! Сию секунду проваливай!

— Да как же я сию секунду уйду, если вокруг вода...

Он стал грести изо всех сил к берегу, и все ругался, ругался, и кулаком мне грозил, и себя ругал за то, что взял меня, а я только делал виноватое лицо — что же я мог еще сделать!

Я ему даже «до свидания» не сказал, выпрыгнул из лодки и пошел.

А он мне вдогонку крикнул:

— Дурень несчастный, туняец, балбес!

Я повернулся и кулаком ему погрозил. Какое он имеет право меня разными словами обзывать!

РАЗГОВОР

Я и говорю Матвею Савельичу:

— Плохо все-таки, что у вас нет лодки.

— Плохо, что жены нет, — говорит Матвей Савельич.

— Возьмите да женитесь, — говорю.

— Возьми лодку себе да и сколоти, — говорит Матвей Савельич.

— Как же я сколочу?

— Ты лодку себе сколотить не можешь, а я жизнь свою сколотить не умею. Вот и выходит, что мы с тобой никудышные в жизни люди...

— Да ну, — говорю, — подумаешь — лодка! Это вовсе не значит, что я никудышный.

— А я, по-твоему, никудышный? Если бы никудышный был, такого сада у меня не было бы. Никудышный человек, он куста посадить не может. А колодец? Видал мой колодец? Только с ямщиковским колодцем сравниться может! Сам рыл. Сам копал. А землю на тележке отвозил. А это ж работа. Это ж труд! Да если еще орден Славы заслуженный во внимание взять, то даже получается, что человек я славный, а не никудышный... Нет, брат, боевой я человек да работающий...

— А я в этом году все пятерки получил, — сказал я.

— Вот и получается, — сказал Матвей Савельич, — что мы с тобой люди достойные, славные. Только нам маленько не везет...

— Мне ужасно не везет, — сказал я.

— А если вникнуть, — сказал Матвей Савельич очень задумчиво, — то каждому человеку, по моему мнению, в чем-то не везет. Это если подумать. А кому больше везет, а кому меньше, это и понять-то невозможно. А те, кому кажется, будто им везет особенно, так они в этом ошибаются, потому что не подумали...

— Вот у нас в классе один мальчишка был, — говорю, — вот ему здорово везло! Что знает, то его учительница и спрашивает. Всегда пятерки получал. Только он в прошлом году в речке утонул.

Матвей Савельич на меня посмотрел — я сразу понял, что глупость сказал.

— Да он не совсем утонул, — говорю, — его потом откачали...

— Повезло человеку... — сказал Матвей Савельич.

Почесал он свою бороду и говорит:

— Вот оно что значит — везенье, вещь такая спорная...

Еще бороду почесал и говорит:

— Вот погоди, управлюсь, сработаю тебе лодчонку, да такую, что сама без весел и паруса плыть будет...

СОБИРАЙСЯ, СКОРЕЙ СОБИРАЙСЯ!

Смотрю утром в окно, а у ворот наших Санька стоит и мне рукой машет. Я сразу во двор бегом, такая радость меня взяла!

— Вот это замечательно, — говорю, — что пришел! Как раз о тебе вспоминал!

— Погоди болтать, — говорит Санька, — времени осталось мало.

— Какого времени? — спрашиваю.

— Немедленно собирайся, если тебе интересно, и отправляйся с нами.

— Куда отправляться?

— Если ты узнаешь, куда отправляться, ты прямо до неба подпрыгнешь. Если тебе только интересно!

— Вот это красота! — говорю. — Только ты сначала скажи, куда мне отправляться, откуда я знаю, что мне интересно, а что не интересно, если я ничего не знаю.

— Узнаешь, — говорит Санька, — узнаешь, только ты скорей собирайся, ты еще до неба подпрыгнешь!

— А чего мне собирать? — спрашиваю.

— Да ничего не надо собирать, — говорит Санька, — ты только сам собирайся.

— Как мне собираться? — спрашиваю.

— Фуфайку, — говорит, — возьми, и все.

— Фуфайку?

— Возьми, возьми, — говорит Санька, — фуфайку обязательно возьми!

— А еще чего взять?

Санька подумал и говорит:

— Фуфайку, пожалуй, брать не надо, ничего брать не надо...

— А чего брать?

— Чего-нибудь возьми.

Я уже хотел бежать чего-нибудь взять, но тут же понял, что никак не могу этого сделать, ведь для этого надо знать, что брать.

Странная у него все-таки привычка все недосказывать!

— Еды у нас навалом, — говорит.

— Какой еды?

— В крайнем случае товарищи тебя выручат!

— Какие товарищи?

— Да ты что, не проснулся? Что, я тебе не товарищ, что ли?

— Ты-то? Конечно, товарищ, как же ты не товарищ!

— А раз я товарищ, значит, и другие товарищи, там-то тебя не посмеют гнать! Кто может

гнать из леса? Лес общий. Если тебя из леса погонят, вот потеха будет!

— Из какого леса?

— Да ты не рассуждай, а собирайся. Неужели ты понять не можешь (ну и голова у тебя!), что отправляемся мы сейчас всем отрядом в поход с ночевкой...

— А мать?

— Что мать?

— А как же мать?

— Во фрунт! Если тебя мама в поход не пускает, тогда нам с тобой не о чем разговаривать...

— Кто сказал, что не пускает?

— Ты сказал.

— Когда?

— Сейчас.

— Никто не имеет права меня в поход не пускать! — крикнул я.

ПОХОД

Мы с Санькой договорились: сначала я сзади буду идти, на почтительном расстоянии, чтобы меня не видели. А потом, когда в лес углубимся, я могу на глаза появиться. Тогда уже никто меня обратно не пошлет и я могу вместе со всеми дальше идти. Правда, мы с ним не договорились, сколько времени мне на почтительном расстоянии идти. Один раз я их из виду потерял, побежал вперед и чуть на вожатого не налетел. Хорошо, он меня не заметил. Он обернул-

ся, а я за куст спрятался. Потом Санька специально отстал, и мы с ним переговорили. Он советовал мне пока держаться на почтительном расстоянии, а мне надоело. Он стал уговаривать еще некоторое время не показываться, но в это время его позвали, и он убежал, чтобы не вызывать подозрений. Я еще немного продержался на почтительном расстоянии, а когда отряд на полянку вышел, я тоже к ним вышел. Санька стал мне знаками показывать, чтобы я обратно в лес уходил, а я и не подумал.

Как ни в чем не бывало прошелся по полянке и в сторонке сел.

Вожатый ко мне спиной стоял и дирижировал, а они пели:

Летний денек,
Речка, песок,
Тихий лесной ручеек, ок, ок, ок!
Светлый лужок,
Синий дымок
И над костром пионерский котелок, ок, ок, ок!

Так дружно пели! Особенно это «ок, ок, ок!» у них здорово получалось. Раз десять эту песню спели. Припев я запомнил и с ними пел. Никто на меня никакого внимания не обращал, не считая Саньку. Он все продолжал мне разные знаки делать, что-то на пальцах показывать — надоел ужасно! Не для того я в поход собрался, чтобы на почтительном расстоянии плестись. Никто не может мне запретить на полянке сидеть!

Все встали и пошли, а я за ними. Иду себе сзади, и никто меня даже не спрашивает, зачем и куда я иду. Вожатый обернулся и на меня посмотрел, потом еще раз обернулся и говорит:

— Что это ты, мальчик, за нами увязался? Не вздумай с нами идти, мне за тебя отвечать нет никакого желания.

Я остановился и говорю:

— Да что вы! За меня отвечать совершенно не нужно!

— Гуляй сам по себе, — говорит вожатый, — а к нам не пристраивайся.

Я обиделся и говорю:

— Если я с вами песню спел, это не значит, что к вам пристраиваюсь.

Санька говорит:

— Пусть он с нами идет, он хороший парень.

И ребята говорят:

— Да пусть идет, нам жалко, что ли.

Вожатый говорит:

— Никаких хороших парней! Чтобы я больше не слышал этих слов! Пока не поздно, возвращайся к своей маме!

Санька говорит:

— С ним теперь уже ничего не сделаешь, он никуда не пойдет...

— Как это не пойдет? — говорит вожатый.

— Никуда я не пойду, — говорю.

Вожатый мне пальцем погрозил:

— Отстань от нас, я тебя предупреждаю.

— Не отстану, — говорю.

— Неужели ты не понимаешь, мальчик, что ты нам нежелателен? Ну, что ты пристал к нам, зачем? Разве можно так поступать? Тебе ведь не разрешают с нами идти, а ты идешь. Ну, разве это хорошо?

Санька говорит:

— Ему одному скучно живется. Он на все пойдет.

— Кто это на все пойдет? — спрашивает вожатый. Вид даже какой-то испуганный у него стал.

— Я все равно за вами пойду, — говорю.

Ребята говорят:

— Он теперь дорогу обратно не найдет.

Санька говорит:

— Он, наверное, дорогу обратно забыл, как же он теперь вернется?

Вожатый так разнервничался!

— Не валяй дурака! — кричит. — Мы совсем мало прошли! Кого вы из меня хотите сделать?!

Санька ко мне подскочил и на ухо мне шепчет:

— Ему все кажется, из него хотят простофилю сделать...

Я сразу задом к лесу попятился.

— Не смей за нами идти! — крикнул мне вслед вожатый.

Я за дерево спрятался. Они постояли, в мою сторону посмотрели и пошли.

Я подождал, пока они подальше отойдут, и за ними пополз. Потом их потерял. Вскочил, за ними побежал.

Бежал, бежал, а они мне навстречу идут. Выходит, я вперед их забежал. Я обратно бежать. Ребята смеются, а вожатый вслед мне кричит, чтобы я домой возвращался. Некоторое расстояние пробежал, остановился, чтобы дух перевести.

Постоял, отдышался и забыл, откуда я бежал. И в какую сторону мне теперь бежать. Я, значит, на месте крутился и все стороны перепутал. Стал бегать по лесу, их звать.

То в одну сторону побегу, то в другую, то в третью, а то и в четвертую.

— Кто здесь?! — кричу. — Кто здесь?!!

Сел на пенек, а слезы у меня из глаз каплют.

А если я дорогу обратно не найду, только одни кости мои в лесу найдут?

Поплачут родители над моими костями... Простят, что школу пропускал... Если бы они знали, что от меня одни кости останутся, они бы меня ни за что на свете, никогда, ни за что не ругали бы...

Вдруг слышу:

— ...ок, ок, ок!

Они!

Ура!

Куда теперь бежать? К ним или от них?

Если я к ним побегу, вожатый опять меня гнать начнет, но в то же время, если я от них все время бегать буду, тоже не дело. Не для того я, в конце концов, в поход собрался, чтобы вокруг них по лесу бегать!

Отряд приближался.

А я назад.

Вдруг песня прекратилась. Опять их потерял.

Тогда я слезы вытер и пошел вперед наперекор всему. И чего это вожатому кажется, будто из него хотят простофилю сделать? С чего это он взял? У меня такой мысли вовсе не было, как бы ему объяснить, что у меня такой мысли никогда в жизни не было.

Я их издали увидел.

Вдруг испугался идти наперекор всему и за куст лег. Из-за своего укрытия наблюдаю, как они рассаживаются, вынимают бутерброды из рюкзаков и едят.

Мне так есть захотелось! Хоть ложись да помирай. Вовсю себя ругаю за то, что утром поесть не успел, а теперь после этой бестолковой беготни в желудке, наверное, совсем ничего не осталось.

Я к ним направился из-за своего укрытия. Вид у меня был что надо! Заплаканный и весь в земле.

Навстречу мне Санька выбежал. Он меня первый заметил. Я на него умоляюще посмотрел и говорю:

— Дай мне кусок бутерброда, тогда я опять в лес уйду...

А ребята кричат:

— Смотрите, смотрите, он опять идет!

Санька говорит:

— Пусть человек идет с нами, куда он теперь обратно пойдет, вы посмотрите, какой он голодный и усталый...

Он дает мне бутерброд, и я его моментально весь целиком в рот запихиваю. Вожатый говорит:

— Я никакого морального права не имею брать тебя с собой.

Санька говорит:

— Человек ведь пропадет, голодный и заблудший...

Ребята говорят:

— Дайте ему бутерброд в таком случае...

Ребята вокруг меня столпились и сразу мне несколько бутербродов дали.

— Пусть он ест! — кричат. — Дайте ему поесть! Не мешайте ему есть!

Вожатый подождал, пока я наемся, и говорит:

— Почему ты все время за нами шел, негодный мальчишка?

— Это я его позвал, — говорит Санька.

— Твои выходки ни с чем не сравнимы, — говорит вожатый, — никто нам права не давал брать с собой посторонних.

— Какой же он посторонний, — говорит Санька, — если он наш сосед.

— Сосед — это еще не значит, что не посторонний, — говорит вожатый.

— Соседи должны быть друзьями, — говорит Санька.

— Ты все-таки, может быть, найдешь обратно дорогу, мальчик? — спрашивает вожатый.

— Да как же я ее найду? — говорю. — Вы что!

— Неужели не найдешь?

Я с радостью говорю:

— Ни за что не найду, честное пионерское!
После бутербродов мне как-то легче на душе стало.

— А ты, Саня, будешь держать ответ перед начальником лагеря, — говорит вожатый.

Ребята кричат:

— Пусть, пусть идет! Тем более он наш сосед!

Вожатый вздохнул и говорит:

— Иди сюда.

— А вы меня не ударите? — спрашиваю.

— Да ты с ума сошел! — говорит вожатый. — Откуда у тебя такие представления о воспитателях! Не хватает мне еще с тобой драться! Этого мне еще не хватает! Кого вы из меня хотите сделать?

Ребята говорят:

— Ты не бойся, он никогда никого не бьет.

Тогда я к нему подошел.

— Будешь вести себя образцово? — спрашивает.

Санька говорит:

— Если хотите, я за него поручиться могу.

— Кому надо твое поручительство, — говорит вожатый, — когда ты сам за себя поручиться не можешь.

Вожатый взял меня за плечи и так, стоя передо мной и глядя мне в глаза, сказал:

— Коллектив — это большая сила. Что значишь ты без коллектива? Без друзей? Вне общества? Ты ноль! Да, да. И я понимаю тебя. Хотя я не имею права брать тебя с собой, но мы все-таки тебя возьмем, тем более тебя уже обратно не по-

шлешь. Но ты, дорогой, от нас не отставай, пожалуйста, не теряйся, я тебя очень прошу, потому что с этой минуты я несу за тебя полную ответственность, представь себе...

Он улыбался, когда все это говорил, и таким хорошим человеком мне показался — дальше ехать некуда!

— Теперь-то уж я не потеряюсь, — сказал я.

— Это будет очень благородно с твоей стороны.

— И с вашей стороны благородно, что вы меня с собой берете, — сказал я.

— Вперед, — сказал вожатый, — а то мы так до речки еще не скоро доберемся.

Все стали надевать рюкзаки и отправились дальше.

Санька со мной рядом шел и про вожатого рассказывал:

— Его однажды ребята подвели. Он с нами договорился, что мы будем спать на тихом часе, а он в соседний лагерь ходит по делу. Мы ему обещали, что будем спать и он может спокойно уходить. А когда он ушел, мы говорим: «Айда на озеро, ребята, искупнемся и обратно, пока Виктора Александровича нет». Мы с кроватей повскакали и на озеро со всех ног. Вода еще холодная была, но мы все равно разделись и купнулись. Тут нас начальник лагеря и поймал. После этого Виктор Александрович нам все время говорит, что мы из него простофилю хотим сделать, а мы, ты же сам понимаешь, никакого простофилю из него делать не собирались... Мы

хотели быстро возвратиться, откуда мы знали, что нас начальник лагеря поймает... Так что ты на него не особенно-то обижайся...

— Да я и не обижаюсь... Вот только нечестно вы с ним поступили...

— А я говорю — честно, что ли? Факт, нечестно...

— Зачем же вы так поступили?

— Да мы же нечаянно поступили, вот чудак! Откуда мы знали, что нас начальник лагеря поймает...

— Но вы же знали, что нечестно поступаете?

— Вот пристал! — сказал Санька. — Откуда мы знали, ничего мы не знали.

— Как же не знали?

— Не знали, и все!

Хороший у него был характер, веселый такой, он так и не мог понять, что все-таки он нечестно поступил. Он к этому так просто относился, как будто ничего и не было. Удивительный у него все-таки характер! Я бы сказал: нет, ребята, не надо, что вы, зачем и всякое такое. А ему, наверное, даже и в голову не пришло, когда он отправился купаться на это озеро. Он ведь не один пошел купаться, вот что странно...

— Не растягивайтесь! Подтягивайтесь! — кричал вожатый.

Мы с Санькой немного отстали и побежали догонять.

— Мы на тихом часе вообще всегда духаримся, — рассказывал Санька на бегу, — веселимся, подушками кидаемся, а Виктор Александр-

рович из-за этого себе нервы треплет, а по-моему, не стоит, подумаешь, там, подушками лупим друг друга — и все. Ужасно ведь весело, правда?

Я согласился с Санькой, что действительно это весело.

Наш поход Санька потом описал в дневнике замечательно:

«Привал у нас был через полтора километра. Это был первый привал. Мы все хором спели нашу любимую песню «Ок, ок, ок!». Мы с таким удовольствием ее спели, что решили спеть ее десять раз. После этого мы прошли еще километр, сели на привал и стали есть бутерброды. В это время оказалось, что нас преследует Валька-дачник, которому я сказал, чтобы он нас преследовал. Он к нам присоединился, и дальше мы уже отправились в гораздо большем количестве. К следующему привалу мы подходили со следующими вопросами: «Скоро мы придем?» и «Скоро ли обед?». Но нам не пришлось мирно отдохнуть. Заметили лесной пожар и стали тушить. Но вот пожар потушен. Надо сказать, что перед тем, как тушить пожар, мы по приказу Виктора Александровича залезли на деревья, чтобы выяснить, откуда дым. Правда, Виктор Александрович сказал, чтобы кто-нибудь один лез, а мы все сразу полезли, кроме девчонок. И Валька-дачник не полез, потому что он обещал Виктору Александровичу образцово себя вести. Потом мы добрались

до пожара и засыпали огонь землей и затоптали ногами. Но вот, как я уже сказал, пожар потушен. После пожара нам не терпелось скорее обедать, хотя другие говорили, что они еще не хотят обедать, но я был с ними не согласен. Виктор Александрович просил нас потерпеть до речки. И вот мы дошли до речки. Я сразу залез в воду и стоял в воде. Все тоже захотели залезть в воду, но Виктор Александрович их не пустил, а меня вывел из воды за руку. Но вот все взялись за дело. Кипит работа. Некоторые уже поставили палатки и отдыхают. Я тоже лег отдыхать в поставленную палатку. В это время наша звеньевая Кашежева, не теряя времени, ходит, слушает и записывает. На вечернем костре вся тайна раскрывается: она записывала всех нарушителей. Я тоже попал в этот список, так как стоял в реке. Все нарушители исполнили свои художественные номера. Я исполнил несколько номеров, в том числе номер «подражание паровозу». Я показал, как паровоз пыхтит, гудит, мчится и как подходит к станции. Этот номер всем понравился, и я показал, как стреляют тяжелые орудия и крупнокалиберные пулеметы. После этого меня попросили больше не исполнять, и я согласился. Перед костром, я забыл сказать, мы ели вкусный суп из тушенки и очень вкусное второе, только я забыл, как оно называется, хотя съел его две порции. Ночью мы спали, а утром пошли обратно, предварительно позавтракав. Мы были счастливые и довольные. В лагерь мы вошли с песней. По-

больше бы таких походов и полезных дел, как тушение пожара! Ура!

Ответственный за проведение пионерского похода

Саня Буртиков»

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ

Вожатый Виктор Александрович мне на прощание сказал, что я вполне могу время от времени в лагере появляться. Только вот почему время от времени — это мне было непонятно. И вообще было непонятно, что значит — время от времени? Сейчас, например, могу я там появиться или нет? А завтра могу? А если сегодня и завтра не могу, то когда могу? В конце концов, если я с ними в поход ходил, значит, и в лагерь могу пойти...

И я через забор перелез, ведь еще неизвестно, как часовые отнесутся к этому моему рассуждению.

Нервы у меня были напряжены. Я, сколько себя помню, всегда по этой лагерной территории с напряженными нервами ходил.

И вот с такими напряженными нервами встречаю я возле кухни Саньку. Он, как меня увидел, сразу стал мне котлету совать, можно подумать, он только и делает, что эти котлеты ест. Я как раз о том думал, что не только он может плясать, петь и все такое... И ничего слож-

ного нету показывать, как пыхтит паровоз и стреляют крупнокалиберные пулеметы...

— Убери, — говорю, — свою котлету.

Он ее сейчас же в рот убрал.

Жует и улыбается.

Съел котлету и говорит:

— Во фрукт! Котлету не хочет.

— Знаешь что, — говорю, — я не хуже тебя умею разные штуки выкидывать, разные там пляски, песни разные там...

— Ну и что? — говорит.

— А то, — говорю, — что я не хуже тебя плясать умею!

Он, представьте себе, обрадовался.

— Серьезно умеешь? Что же ты мне раньше об этом не сказал?

Мне вдруг неудобно стало, вроде я ему завидую.

— Что же, по-твоему, я должен ходить и всем докладывать, так, что ли?

— Зачем же всем? Другу-то своему мог сказать? Зачем же от друзей свои способности скрывать? Во фрукт!

Мне эти его усмешки и разное там кривлянье ух как надоели!

— Если ты еще раз меня этим фруктом назовешь, — говорю, — я с тобой разговаривать больше не буду...

— Так это же у меня привычка такая!

Он подпрыгнул, в ладоши хлопнул и как заорет:

— Во фрукт!

Я даже не знал. Обижаться на него или нет, и решил не обижаться. Тем более он у меня тоже привычку нашел, не буду говорить какую.

После всех этих разговоров мы с ним соревноваться пошли. Кто дольше спляшет.

Я думал, мы на сцену в клуб пойдем, а мы в баню пошли. Пыли, говорит, там нету и пол дощатый. Тихо и спокойно. Пляши себе, сколько твоей душе угодно. Подходящее он все-таки место нашел для соревнования. Мне бы никогда такая идея, насчет бани, в голову не пришла. Нет, он, конечно, способный человек, что там и говорить. Зря все-таки я полез с ним соревноваться... И чего это меня дернуло хвалиться, что я плясать умею! Как раз я плясать не умею. Спляшу как могу. Главное, на дыхание напирать, чтобы его переплясать. В конце концов, он не какой-нибудь там знаменитый плясун из Грузинской Республики...

Пришли мы в баню, а там топится. А он не заметил, что ли, говорит:

— Ну, давай начнем!

— Жара-то, — говорю, — какая! Как же мы здесь плясать будем?

— Зато пыли нет, — говорит.

— Ведь душно, — говорю.

— Пока мы тут разговаривать будем, еще душней будет, давай начнем.

— А дышать?

— Да давай начнем, а там видно будет.

— Ну, нет, — говорю, — я плясать не буду, сдохнуть можно!

— Ага, — говорит, — дышать не можешь!
Испугался!

— Нисколько, просто мне здесь жарко.

— А мне не жарко? Мы с тобой, по-моему, в одинаковых условиях находимся. Спляшем и уйдем. Давай начнем, пока еще жарче не стало, нечего пустыми разговорами заниматься! Ты просто, я вижу, увиливаешь, вот и все!

Я не на шутку разозлился и говорю:

— Давай, пожалуйста, начнем!

Мы встали рядышком, друг на друга покосились, не знали, как начать, а после он крикнул:

— Концерт пляски!

В бане голос раздался глухо и как-то странно.

И мы заплясали. Я два раза поскользнулся, пол был мокрый, но быстро вскакивал, как будто и не падал. Тем более что он тоже поскользнулся. Оказалось, уж не так-то трудно с ним соревноваться, нужно было только начать, а там пошло, а когда он выкрикивал «оп-ля!», я тоже выкрикивал «оп-ля!», ничего в этом такого сложного не было.

Он не останавливался, и я тоже не останавливался, зачем же мне останавливаться, если он не останавливается. Я на него только косился все время, чтобы его из поля зрения не упускать.

Мы всю плясали, когда дверь отворилась и вошел начальник лагеря.

— Что там за стук? Что происходит? — спрашивает.

Когда он зашел, мы не видели, только когда он спросил, мы слышали.

Он громко так сказал, во весь голос. А так мы его совершенно не заметили.

Мы остановились.

Санька говорит:

— Мы репетируем.

Он удивленно спрашивает:

— Что репетируете?

— Художественную самодеятельность, — говорит Санька.

— Да вы что, в своем уме?

— В своем, — говорит Санька, — мы с ним соревнуемся.

Начальник лагеря рукой взялся за голову и говорит:

— Здесь?

— А здесь пыли нет, — говорит Санька.

— Пыли нет? — говорит начальник. — Какой пыли?

— Нету пыли, и все! — говорит Санька.

Тогда начальник лагеря спокойно так, тихо говорит:

— Вы, ребята, мне вот что скажите: вот здесь, сейчас, вы плясали или нет?

— Плясали, — говорит Санька.

— Ведь здесь же стоять невозможно, не то что плясать...

— Отчего же невозможно, — говорит Санька, — вы же стоите.

Начальник лагеря развел руками и говорит:

— Удивительные дети!

Он посторонился, а мы с Санькой вышли. Он даже меня не узнал, вот что удивительно!

ВСЮ НОЧЬ НЕ СПАЛ

— Здорово ты все-таки тогда в бане сплясал, — сказал Санька, — я был так удивлен, что всю ночь не спал.

А ТЫ ПОСТАРАЙСЯ!

Я стоял возле автобуса, а Санька из окошка выглядывал.

— Имей в виду, — говорил он, — завтра все участники похода в городе встречаются, а потом все в кино пойдем, на какую-нибудь новую картину...

— Мне за этот поход так влетело... — говорю.

— ...все участники похода пойдут на новую картину, — твердил Санька, — такая у нас традиция...

— Эх, жалко, мне нельзя!..

Автобусы двинулись к воротам, и я за Санькиным автобусом побежал.

Санька весь из окна высунулся и кричит:

— В двенадцать часов встречаемся в Таврическом саду!

Я рядом бегу и кричу:

— Как же я могу, Саня, я ведь никак не могу!..

— А ты постарайся!

— Как же мне стараться, никак мне нельзя стараться!

Санька долго махал мне рукой.

А я ему махал.

Автобусы свернули, и я перестал махать.

Об этом последнем лагерном дне Санька очень выразительно написал в дневнике:

«Больше уже никаких дней в лагере не предвиделось. Мы все ходили печальные, окидывали взглядами лагерь, и у всех щемило сердце. У Кати Карапузовой так защемило сердце, что ей стало плохо. Ей дали стакан компота, и ей стало лучше. Но вот мы отправились прощаться с озером. Мы долго стояли и прощались с озером и лагерным солнцем. Один мальчишка стоял в воде и ловил рыбу. Мы его уже, наверное, сто раз видели. Но в этот раз он нам показался каким-то другим и родным. И мы поняли, что больше его не увидим. Мы его позвали, но он не откликнулся. Ну и пусть! Он вообще никого никогда не замечает, кроме рыбы. Но вот мы вернулись в лагерь. И вот мы спели несколько песен, поели борщ и второе: курицу со свежим огурцом. А на третье было мороженое. Но вот все съедено, и — о горе! — уже въезжают в лагерь автобусы. Они въезжают один за другим, как танки на параде. Нам захотелось домой, но уезжать нам не хотелось. И вот нам вручают подарки. Некоторые тут же едят подарки, а некоторые везут их домой. На этом я обрываю запись, потому что мне тоже пора садиться в автобус.

Старшина по отправке своего отряда домой

Саня Буртиков»

ТИШИНА

Тишина была такая в лагере, как будто все умерло. Впечатление жуткое. Никого не слышно и не видно. Кошмар какой-то. Такая тишина — тоска одна. Я и не собирался в лагерь: чего мне там делать, раз все уехали, а потом взял да пошел — и сам не знаю зачем. Дай, думаю, поброжу. Как-никак когда-то меня оттуда вовсю гнали, а тут можно ходить себе сколько угодно. Да толку нету. Чего же ходить, раз никого нет.

Утро было теплое, спокойное, ветра не было. Зверская была тишина.

Я и не знал, что в лагере есть кто-нибудь, я думал, все уехали, а там, оказывается, еще какой-то персонал остался. Они, видимо, после вчерашних хлопот отдыхали.

Хожу я среди тишины и вспоминаю, какая здесь веселая обстановка была.

Первым я повара увидел.

Он как следует зевнул и говорит:

— Здравствуй, не хочешь ли кочерыжку?

Я от кочерыжки отказался, тогда он еще раз зевнул:

— Не хочешь и не надо.

Стоит и зевает.

— Дикая скука какая! С Васькой в город, что ли, уехать? Или не уезжать?

— С каким Васькой? — спрашиваю.

— Да вон...

Гляжу вокруг, никакого Васьки нету. Только крытая такая продуктовая машина стоит, я сразу ее даже не заметил.

А повар говорит:

— ...так вот я и думаю, может, мне на ней поехать да время даром не терять. Одно дело — сотни ребят накормишь, а другое дело — самого себя накормишь. Одно дело — ходят вокруг тебя ребятки, довольные, веселые, и говорят: «Вкусно, товарищ повар!» А другое дело — самому себе говорить: «Вкусно, товарищ повар!» Это вещи разные, противоположные...

Я дверцы кузова открыл и внутрь заглянул. Темно. Сплошная пустота.

Только тряпка в углу. А пахнет не то мясом, не то луком, не то сыром.

А повар продолжал:

— ...Васька поедет, когда проснется, ему без руля здесь тоже делать нечего. Ему также мучительно тут сидеть без всякого дела. Так вот я и считаю, что вполне стоит мне вместе с ним отправляться. На какое-нибудь культурно-массовое мероприятие в городе сходить. А утречком сюда на электричке возвратиться. А как некоторые там на солнышке лежат пузом кверху, так мне эта затея так же мучительна, как ничего не делать. Помылся в озере да и вышел. А чего лежать-то? Как некоторые завалятся с утра и лежат, лежат, словно померли. Да они и есть помершие, раз лежат. Живой человек лежать не будет. Он двигаться будет. Он будет действовать. Кашу варить. А полежать, браток, еще

время придет. Так что я против этого. Кочерыжку хочешь?

Я опять от кочерыжки отказался, а он продолжал:

— Вот ты, к примеру, какое призвание имеешь? К чему у тебя душа лежит? К какому такому делу?

— К шахматам, — говорю.

— Шахматы — это хорошо!

Он задумался.

— Никогда я в шахматы не играл. В домино играл. Ну, это игры, спорт. А еще к чему у тебя душа лежит?

— К математике.

— Отлично! Хорошо! Бухгалтером, значит, будешь?

— Может, и бухгалтером, а может, и ученым.

— Ишь ты, хватанул!

Он посмотрел на меня как-то внимательно, серьезно и сказал:

— Это хорошо! Хочешь кочерыжку?

Вздыхнул и опять начал рассуждать: поговорить он, видно, здорово любил.

— Вот, к примеру, ты математик, а я повар. Сколько ты ни считай да ни высчитывай и не рассчитывай, а если без обеда тебя оставить, кашимаше тебе не сварить, то и гроб всей твоей математике, ага! Как это у вашего поэта там сказано: повара всякие нужны, повара всякие важны! Так?

Я поддакивал да головой кивал.

— ...а я люблю детей, которые едят крепко. Вот у нас тут такой Санька был — да ты с ним

приходил, — во ел! Все добавки просил. Так я ему с таким удовольствием, с такой радостью добавки отпускал, ты не понимаешь — давай, милый, ешь, поправляйся да Александра Васильевича вспоминай. Я к этому делу творчески подхожу. Я тому человеку, кто ест крепко, специально, особо нажарю, особо наварю, вот так! А кто мало ест — нехорошо...

— Ем-то я хорошо, — сказал я, — только мне не везет...

— Если будешь есть хорошо, то и повезет. Это я тебе верно говорю. Ты меня послушай и есть продолжай и увидишь. Только в чем же это тебе не везет, если не секрет?

— Ребята все уехали, а я остался...

— Другие приедут.

Нет, он меня не поймет.

Он меня никогда не поймет...

— А вот почему, — спрашиваю, — некоторые люди не женятся до самой старости?

— Чудаки, значит.

Я его и спросил:

— А вы не чудак?

— Это отчего же? — спрашивает.

— А оттого, что вы всем кочерыжки предлагаете...

— Ну, малец, — говорит. — Голова! Математик! Теперь-то я вижу, что ты математик, да еще шахматист!

Мне неприятно стало, что он так меня называет, и я его спрашиваю:

— Когда же Вася придет?

— Да вон идет!

Вася-шофер подошел к машине, а повар ему:

— Ну, Вася, этот малец уморил меня, суший цирк, ты бы, вместо того чтобы спать, пораньше явился этого математика послушать. Уличил меня, значит, что я всем кочерыжки предлагаю...

Он смеялся, а шофер, весь заспанный, видать, не умылся еще, посмотрел на него удивленно да и к машине подошел. В кабину залез и тут же вылез.

Я ПОСТАРАЛСЯ

«А ты постарайся!» — вот как Санька мне кричал, когда уезжал...

«А ты постарайся...»

Я возле машины стоял, а вокруг никого. Я в кузов влез. Дверцы плохо закрывались, и я все возился, чтобы они получше закрылись. Но с моей стороны ручки не было, и щель оставалась.

Я в угол пополз.

Сел на тряпку в углу. И на щель смотрю.

Я представил себе: приезжаю... мы с Санькой обнимаемся и вспоминаем про поход... потом я обнимаюсь с другими ребятами и, может быть, даже со Светланой Савельевой... Эх, в кино вместе ходим... Из кино вместе выйдем... По улицам пойдем... к кому-нибудь зайдем... может быть, к Светлане Савельевой зайдем... а там нас чаем угостят... с пирожными... а, может быть,

с вареньем... ее родители будут хлопотать вокруг и приговаривать: «Ах, ах, ах, так, значит, вы вместе с моей дочкой были? Вместе в поход ходили?.. Друзья, значит?.. Господи ты Боже мой, радость-то какая!.. Чем бы вас еще угостить... пейте, закусывайте, не стесняйтесь, ах вы мои милые, усталые, утомленные, не налить ли вам еще?.. Вместе, значит, были — ах как хорошо!..» Света дует на чай и на меня смотрит, а я смотрю на нее и тоже дую на чай...

Я все это так хорошо представил, как вдруг что-то щелкнуло, и такая темнота стала, какой я никогда в жизни не видывал.

Это щелкнула дверь. И не стало щели.

Машина поехала, и ничего — подумаешь, темнота! — ничего в этом нет такого!

Я даже песенку запел, а слова там такие были: «Еду, еду я по свету...», а дальше какие слова, я забыл.

Я все вспомнить хотел и не мог. Дальше, кажется, «телеграммы развожу, развожу»: «Еду, еду я по свету, телеграммы развожу...», нет, «письма развожу...», а может быть, не письма?

Вспоминаю, что там развозят, как вдруг (этого я никак не ожидал!) меня с места сорвало и в сторону дверей бросило.

«Дорога, наверное, плохая», — подумал я.

Пополз я обратно в свой угол.

Сел там, схватился за тряпку, но, несмотря на это, меня вместе с тряпкой в другой угол бросило.

Ну, так и есть, плохая дорога, совершенно ясно!

Лучше уж буду в этом углу сидеть, не все ли равно, в каком углу сидеть!

Не успел я об этом подумать, как меня в прежний угол швырнуло, там, где я раньше сидел, а тряпка осталась.

Какая-то безобразная дорога!

Ползу к тряпке. Кругом темнота. Ведь, кроме как на этой тряпке, мне сидеть совершенно не на чем. А пол железный. Не хватает еще на железе сидеть! Мне мама строго-настрого наказывала ни в коем случае на железе и на камне не сидеть.

Ползал, ползал, пока эту тряпку не нашел.

«У прохожих на виду...» — вот какие там были слова, а вовсе не «телеграммы развожу», как мне это сначала показалось. «...Еду, еду я по свету у прохожих на виду...» — меня к потолку подняло, и я понял, что потолок тоже обит железом — так же, как пол.

А когда меня бросило в стену, я даже удивился, как раньше не заметил, что стена тоже обита железом.

Нет, петь мне уже не хотелось.

Меня все швыряло.

Я встал, руками уперся в потолок, а ноги расставил как можно шире.

Меня тут же сшибло. И я покатился.

Запутался в тряпке. От тряпки пахло всем.

«У прохожих на виду», — нелепо мелькнуло в голове.

«Ну, а если не доеду, все равно пешком дойду» — вот какие там были дальше слова!

«Лучше бы пешком дошел», — подумал я.

Я вылез из тряпки. Нет, по-моему, это был какой-то мешок.

Я стал думать: мешок это или не мешок. Похоже, что мешок. А может, не мешок. Может, это только кажется, что мешок, а на самом деле просто тряпка. А если это тряпка, почему же я тогда из нее с трудом вылез?

Трясти перестало. Это, значит, на асфальтовую дорогу выехали, а если на асфальтовую дорогу выехали — значит, скоро в город приедем.

Всю асфальтовую дорогу я о Свете Савельевой думал.

— Эх, Света, Света... — сказал я.

Машина резко затормозила, и я уже приготовился вылезать, но дверь не открывали, и я стал барабанить кулаками, чтобы открыли. Я долго еще барабанил ногами, но дверь так и не открыли и... дальше поехали. Тогда я догадался, что, наверное, шлагбаум был, а это значит — скоро город будет.

Опять стало швырять.

Я сразу догадался, что мы с асфальтовой дороги съехали на неасфальтовую.

Едем долго.

Кошмар!

Наконец мы остановились и стоим.

Я изо всей силы, с разбегу, наваливаюсь на эту дверь и вываливаюсь на землю.

Встаю. Сразу ничего не мог разглядеть на таком свете.

В каком направлении бежать мне к Таврическому саду? Я жмурюсь. Но вижу уже мачту, кухню, забор... вижу лагерь... (?) начальника лагеря... Он хочет что-то спросить у меня, иначе зачем же он идет ко мне?..

Я больше не жмурюсь.

Смотрю на все широко раскрытыми глазами и ничего понять не могу — честное пионерское!

Что получается?

И как все понимать?

Я мчусь к забору, в два счета перепрыгиваю и бегу дальше.

Вбегаю во двор, налетаю на Матвея Савельича, он обнимает меня и говорит:

— Я тебе лодку начал делать, а ты пропал...

НОВЫЙ ДЕНЬ

Автобусы въезжали в лагерь. Новые ребята в автобусах так галдели, как будто грачи прилетели со всего света. Я этот галдеж еще издали услышал и выбежал навстречу.

Я стоял в пыли, а они мимо меня проезжали.

Последний автобус остановился, один мальчишка высунулся из окошка и стал мне махать панамкой, как будто он мне знакомый. И чего это он мне машет, если я его первый раз вижу! Но все-таки я ему тоже помахал на всякий случай.

Этот автобус все стоял, а другие уже в лагерь въехали. Я поближе подошел, а мальчишка меня спрашивает:

— Как здесь, ничего?

— Чего же плохого, — говорю, — конечно, ничего.

— Ну и как?

— Что как?

— Комары кусаются?

— Какие там комары, — говорю, — никаких здесь комаров нет.

— Это хорошо, что здесь комаров нет, а то я их ненавижу.

— Да кто их любит, — говорю, — никто их не любит.

— Некоторые их терпят, — говорит, — а я их просто терпеть не могу. Если здесь комары есть, я сейчас же обратно поеду.

Я, сам не знаю, почему-то испугался, что он вдруг обратно поедет, и говорю:

— Да что ты, что ты, ни одного комарика здесь нету...

— Ну, если нет, — говорит, — тогда другое дело...

Он спросил, как меня зовут, и я чуть было не сказал, что меня Лялькой зовут, но потом вспомнил и сказал свое новое имя. А он сказал, что его зовут Вольдемаром и что ему это имя не очень-то нравится.

Автобус тронулся, и он мне крикнул, чтобы я непременно к нему в лагерь приходил.

А я ему головой кивнул: мол, непременно приду, а как же иначе!

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадки под дождем	3
Всему свое место	4
Яндреев	5
Я пуговицу сам себе пришил	7
Как я под партой сидел	8
Передвижение комода	9
Болтуны	10
Как мы на самолете летали	11
Лукьян	12
И мы помогали	13
Язык	13
Привычка	14
Как я писал стихи	15
Как я помогал маме мыть пол	17
Новая рубашка	18

Все куда-нибудь идут	19
Неохота все время пешком ходить	19
Был не крайний случай	20
Моя работа	21
Никакой горчицы я не ел	22
Путешественник	27
Серебряные туфли	30
Пятнадцать третьих	37
Пароход и лошадь	38
Так всегда бывает	38
Карусель в голове	39
Два подарка	41
Рисунок	43
В любом деле нужно уметь работать.....	43
Пара пустяков	47
Коньки купили не напрасно	50
В шкафу	51
Секрет	54
Закутанный мальчик	57
Мяч и чиж	58
Как мы в трубу лазали	60
Спина, которая загорела	62
Не везет	64
Надоедливый Миша	65
Четыре цвета	66
Еж	66
Луша	68
Как я боялся	69
«Козел-баран»	70
Второклассники и старшеклассники.....	71
Крути снежные вертя	72
Дело не в том, что я мяч не поймал	74

Абсолютно верно	
Кисель	
Вязальщик	
Друзья	
Больные	
Я смотрю в окно	
Тыква в сундуке	
Птичка	
Как я всех обмануть хотел	
Как тетьа Фрося разрешила спор	
Кому что удивительно	
Судьба одной коллекции	
Удивительная профессия	
Подходящая вещь	
Премия	
Разговор по телефону	
Огурцы	
Две шапки	
Неужели вы не понимаете, Екатерина Митрофановна?	
Хочу лошадь	

ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ

Вечер	
Утро	
За калиткой	
На озере	
В лесу	
Кочерыжки	
В лагере	

На бревнах	131
О коровах	135
Нахимовцы	137
Матч	138
Вместо матча	142
Ты приходи к нам, приходи!	143
Концерт	145
В лодке	152
Разговор	155
Собирайся, скорей собирайся!	157
Поход	159
Удивительные дети	171
Всю ночь не спал	176
А ты постарайся!	176
Тишина.....	178
Я постарался	182
Новый день	186

Серия «Любимое чтение»

Для среднего школьного возраста

Виктор Владимирович Голявкин
А ТЫ ПОСТАРАЙСЯ!

Рассказы и повесть

Редактор *Т. М. ТУМУРОВА*
Художественный редактор *Н. В. БЕЛАНОВ*
Технический редактор *Т. П. ТИМОШИНА*
Корректоры *И. Н. МОКИНА* и *Л. В. САВЕЛЬЕВА*
Компьютерная верстка *А. Л. ПАВЛОВОЙ*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щёлково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса:
www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: hargest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

*Летом так здорово играть с друзьями в футбол
и выиграть матч!*

*Или пойти на рыбалку всей ребячьей компанией.
А ещё лучше устроить концерт или отправиться в поход.*

*Да мало ли дел можно придумать,
если у тебя есть весёлые и деятельные друзья?!*

*Об этом и повесть и рассказы в этой книге.
Рассказы здесь очень короткие и ужасно смешные.*

В самые нелепые ситуации попадают ребята.

Но как правило, всё заканчивается хорошо.

*А иногда достаются такие хорошие подарки,
что просто загляденье!*

ISBN 978-5-17-030983-2

9 785170 309832